

(НЕ) ЗАЖИГАЙ МЕНЯ

16+

МАРИАННА КРАСОВСКАЯ

Марианна Красовская
(Не) зажигай меня

«Автор»

2021

Красовская М.

(Не) зажигай меня / М. Красовская — «Автор», 2021

Я влюбилась в женатого мужчину, и родители поспешили отправить меня в деревню к деду, чтобы избежать скандала. Но по дороге я встретила мужчину, который отчего-то решил, что я должна быть его женой. Ума не приложу, как такая глупость пришла ему в голову... Но сын степного хана не из тех, кто отказывается от своих планов. Что ж, он просто недостаточно меня знает!

Содержание

1. Крыша замка Нефф	5
2. Планы леди Оберлинг	9
3. Распутница	12
4. Неожиданная сообщница	16
5. Разговоры	20
6. Знакомство с попутчиками	24
7. Минем шабаки	28
8. Неожиданные открытия	31
9. Нападение	35
11. Дед	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Марианна Красовская

(Не) зажигай меня

1. Крыша замка Нефф

Я сидела на самой вершине замка Нефф – на крыше дозорной башни – и созерцала открывавшееся великолепии. Подогнув ноги, укутавшись в теплый плащ, натянув капюшон едва ли не до кончика носа, я изо всех сил сдерживала желание прыгнуть с этой самой башни вниз – ну или хотя бы плюнуть.

Горы прекрасны зимой. Закутанные в белые пелены снегов, они сливаются с белым небом, с облаками. Кажется, что нет ничего вокруг, кроме снежных круч и всеобъемлющей тишины.

Горы прекрасны весной. Шумят бурные реки, неся мутные воды вниз, в долину. Вспыхивает зеленью листва, обнажаются серые склоны, мир наполняется гулом.

Горы прекрасны летом и осенью, птички, травы, золотые листья и всё такое. Так считает моя мать, считает отец. Наверное, и братья тоже скажут, что лучше гор ничего на свете нет.

Спору нет, они красивы и величественны. Но мне гораздо более нравится теплая Славия. Разве в горах можно мчаться верхом, подставляя лицо теплому ветру? Разве можно с разбега броситься в нагретую солнцем ласковую речку? В горах реки быстры, мелки и холодны как лёд. Мы, конечно, подобрав юбки, прыгаем по камням, моча ноги, заходим порой и выше щиколотки, но, право слово, самая большая радость в этом – выбраться наружу и протянуть заледеневшие ступни к сложенному братьями костру.

Самое счастливое лето в моей жизни случилось тогда, когда мать позволила мне провести его у деда. Пусть путешествие в Славия не было легким, пусть пришлось слать матери весточки с каждой стоянки – но зато и свобода эта, и дивные ночи, и упоительный запах свежей земляники – нет, никогда мне не понять мать, выбравшую горы. Она, конечно, говорит, что прежде, чем полюбить моего отца, влюбилась в замок Нефф. Не спорю, дом мой хорош, только темен и тесен.

То ли дело дедушкино поместье! Выйдешь на крыльцо поутру, вдохнешь запах свежескошенной травы, и закружится голова от широкого неба, нисколько не окольцованного горами. И даже зной не пугает меня. Я люблю жар яркого солнца, горячую пыль дороги на пальцах босых ног, росу поутру на траве, похожую на драгоценные камни. Словом, я люблю всё то, чего в горах нет.

В горах даже летом довольно прохладно, земля всегда холодит босые ноги. Здесь всегда дует порывистый ветер, снег в оврагах лежит едва ли не до июня, а по утрам вместо росы на траву ложится молочный туман.

Мать моя родом из Славии, хотя и потомок древнего галлийского рода. Я считаю себя одной из самых завидных невест – и неудивительно. Оберлинги – род моего отца – славны сильнейшими магами. Браенги лучшие во всем, за что не берутся. И только я, старший отпрыск обоих родов, не сильна ни в чем. Не досталось мне от матери водного дара, а дару огненному применения не находится, несмотря на уверения матери, что огонь нужнее воды.

И, возможно, из-за огненного дара и сильного зверя внутри меня, я уродилась неугомонной и буйной. Мне часто бывает стыдно перед матерью за свои истерики и крики, хоть она никогда не попрекает меня. Мама – само спокойствие. Я мечтаю хоть немного походить на нее, так же царственно держать спину, так же охлаждать буйные головы одним лишь взглядом, так же находить слова, умиряющие самую большую бурю. Но увы, хотя лицом и фигурой я похожа на мать, нрав у меня отцовский, а батюшка кротостью не отличался никогда.

Скидываю шаль, подставляю лицо ветру, и восторг переполняет меня, и хочется кричать как птица. Резкие порывы холодного воздуха зажигают щеки, треплют волосы – длинные, почти до колен, выплетают из них ленты и уносят прочь (матушка опять будет сердиться). Как бы я хотела обрезать их хоть бы до плеч – голове от них тяжело, и на уход за ними требуется так много времени. Но волосы – моё достояние и матушкина гордость, тяжелые, блестящие, цвета красного дерева. В округе ни у кого таких нет. В Галлии всё больше черноволосые люди, иногда совсем белые. Отец мой практически седой, но раньше его кудри были черны как ночь – такие же, как у братьев.

Про моих братьев отлично работала пословица: скажи «волк», он и появится. На лестнице слышно пыхтение, кто-то из них, а может сразу оба ползут ко мне.

– Ви, тебя мама искала, – высунулась из люка голова Тьена, а может и Макса – кто их разберет.

Я братьев, конечно, различала, но для этого надо прилагать некоторые усилия, а сейчас мне слишком лень это делать.

Как мне порой хочется спрятаться, побыть в одиночестве, как в детстве. Нет, я люблю своих братьев, но, как и все десятилетние мальчишки, они слишком шумны и проказливы. На беду мою и на радость родителям, Макс унаследовал водный дар, а Тьен – воздушный. А поскольку они были близнецы, то шутки они со своей магией проворачивали такие, что опытные маги за голову хватались. Особенно, конечно, доставалось мне.

Мне нравилось быть единственным ребенком у родителей. С рождением близнецов я почти не видела мать. Мама больше не укладывала меня спать, не пела мне колыбельных, не читала сказок. Единственное моё время, которое не отобрали братья – ритуалы, которые творила мать с моими волосами. Она всегда мыла их сама, натирала маслами, купала в травах, расчесывала. И всегда тяжело вздыхала. Только ради этих дней, полностью принадлежащих мне, я не обрезала еще эти глупые косы.

У мамы же волосы были лишь до лопаток, дальше не росли. Она рассказывала, как дядюшка Кирьян когда-то похитил ее в день свадьбы и обрезал их, и как она плакала в тот день. Я только улыбалась: представить невозможно, чтобы мама была чьей-то женой кроме папы. Только она умеет с ним справляться, когда его охватывает черная меланхолия и он уединяется в библиотеке с бутылкой виски, или когда гневается так, что он его криков дрожат стекла в окнах. Одно ее слово, один взгляд – и он становится послушнее ягненка.

Несмотря на то, что папа меня обожал, мне влетало частенько, пожалуй, не реже, чем близнецам. Обычно за дело: я тоже кротостью не отличаюсь. И с уроков убегала, и занавеси поджигала, случайно, конечно, и пару маг-светильников взорвала. А уж порванным платьям или разбитым локтям и коленям и счета не велось.

Родители хотели, чтобы я была леди, как мама: спокойной, рассудительной, тихой. «Ты же девочка» – так часто слышала я. Я честно старалась. Но разве виновна я, что уроки мне скучны, пряжа рвется под моими пальцами, иголки ломаются, и даже растения в огороде засыхают и съеживаются, стоит только мне их коснуться? И только переехавшая к нам мамина бабушка Юлианна не спешила меня менять. «Огонь не вместить в сосуд, как воду, – говорила она. – Огонь должен быть свободен».

В замке Нефф свободы нет даже на крыше башни, а за ограду одну меня вот уже несколько лет не выпускали.

– Ну Ви! – верещал мелкий. – Послушай! Мама сказала...

– Что случилось? – равнодушно спросила я, не двигаясь с места.

– Говорят, в гости поедете, – сообщил братец. – Кажется, к дядюшке Лео.

Я поморщилась – вот еще одна причина, по которой я хочу сбежать из дому.

Женихи ко мне в очередь выстраиваются. И род у меня хороший, сильный – как по отцу, так и по матери, и сама я не кривая и не хромая. Только благодаря стойкости матушки я еще

не просватана. Не хочет она меня отпускать. Но на всякие балы и званые вечера ездить приходится, положение обязывает. Вот и теперь придется спускаться, обсуждать с матерью наряд, а потом трястись в карете до самой столицы. А раз уж мы будем в столице – то одним вечером дело не ограничится.

– Ви, мама сказала «быстро», – высунулась наружу и вторая голова.

С мамы станется залезть на крышу. Пришлось спускаться, никуда не денешься. К счастью, матушкино терпение не иссякло настолько, чтобы она ждала меня в башне. Я успеваю скинуть плащ, оправить платье и пригладить волосы. Лучше бы косы переплести, конечно. Но времени нет на это, и я просто перекидываю тяжелые волосы на грудь.

Милослава Оберлинг высока, стройна и хороша собой. В ее волосах совсем еще немного седины, ее почти незаметно. Тяжелое бархатное платье, отороченное мехом норки, сидит на ней идеально, без единой морщинки или складочки. Тонкой, несмотря на троих выношенных детей, талии завидуют все соседки. Сегодня на ее руках кружевные перчатки – по последней столичной моде. Но я-то знаю, что мама вчера варила мыло и сегодня ее руки покрасневшие и ногти обломаны. На миг мне становится стыдно, что вместо того, чтобы ей помочь, я сбежала в деревню с отцом. Я плохо переношу тяжелые запахи ароматных трав и корней, а от вони варящегося мыла и вовсе впору задохнуться.

Мамины глаза осматривают меня с ног до головы. Я прекрасно понимаю, что она недовольна, но не скажет этого вслух.

– Виктория, садись, – любезно кивает она на диван.

Мне хочется забраться на него с ногами, но я, как и положено леди, присаживаюсь на самый краешек, ровно держа спину.

– Через три дня мы выезжаем в Льен, – сообщает мама. – Нас пригласили на королевский весенний бал. Заодно покажем мальчиков главному ловчему. Если они подойдут, то найдем учителей, и через два года они пойдут учиться.

Вот как! Не мне одной страдать!

– А как же посевная, матушка? – растерянно спрашиваю я. – Кто останется тут? Бабушка уже слишком стара, чтобы ездить по деревням.

– Я думаю, люди сами в силах посадить свеклу и морковь в срок, – мягко улыбнулась мама, хотя между бровями у нее залегла озабоченная складка. – В конце концов, мы не в Славии, здесь хлеб сеять не нужно.

Я кивнула, соглашаясь.

Несколько лет назад отцу удалось нанять для Пригорья замечательного мага земли. Он был, конечно, чужак: его странные идеи в столице понимать не хотели. В самом деле, где это видано, чтобы помидоры в горах росли? Или сладкие перцы? А он предлагал сажать семена дома в ведра и горшки, выращивать их и уже в мае высаживать на улицу. В Льене его подняли на смех. В Пригорье же первый урожай, выращенный таким способом, превзошел все ожидания.

Вот маг и присмотрит.

– Виктория, – продолжает мама, пряча глаза. – Ты взрослая девочка, должна понимать...

– Мама! – взвыла я. – Я не хочу замуж!

– Ты ничего не хочешь, Ви! – спокойно ответила мама. – Ни замуж, ни учиться, ни как-то помогать по хозяйству! Ты трутень, Ви! Неужели тебе хочется всю жизнь прожить здесь с нами? Без семьи, без детей?

– Здесь – не хочу, – упрямо ответила я. – Хочу в Славии к деду.

Мать задумалась, нервно постукивая носком сапожка по ковру.

– А почему бы и нет? – неожиданно сказала она. – Попрошу Линд организовать тебе жениха в Славии. Если уж Святослава может быть кнессой, то ты уж всяко справишься. Вот только не хотелось бы тебя столь далеко отпускать.

Неожиданно! Я-то думала, мама совсем против, чтобы я в Славию ехала. Но и женихи мне никакие не нужны, вот еще! Тем более эти славские кнессы, которые даже не оборотни! Ни один мужчина не сравнится с тем, кто моему сердцу мил. Мама, впрочем, об этом не подозревает, оно и к лучшему. Что ж, если она отпустит меня к деду, сама-то ведь не поедет. И то сказать, мне уж двадцатый год пошел, не всё за мамкину юбку держаться. Так что я радостно киваю, расплываясь в улыбке.

– Но на бал всё равно поедешь! – заявляет мать. – А уж если никто мил не будет из галлийцев, тогда поищем тебе славца.

Моя улыбка сдувается как кузнечный мех. На бал-то я всегда рада, а вот женихов не хочу.

В наложницы тоже не хочу, впрочем, да и не принято это в Галлии. А жаль, наверное.

В общем-то, матушка во всем права, как всегда. Обратную пару. Тем более такому дурному, как я. Ведь не должен из меня чистый оборотень выйти. Мама-то смесок. А гляди-ка, я переворачиваюсь в полноценного волка, как отец. Я сильна, вынослива, у меня острое зрение и отличный нюх, царапины и синяки на мне заживают очень быстро (что видится мне огромным преимуществом: коли мама раны не видела, то и ругаться не будет). Но в полнолуние ночи для меня порою невыносимы, до того владеют мною низменные инстинкты. Началось это три года назад и, мне кажется, всё больше меня гнетет.

Как я переживу полнолуние в столице – не представляю. Чем ближе ко мне тот, кого я хотела бы видеть своей парой, тем больше дурманит голову желание телесной любви. Оттого в Льен я не рвусь – боюсь наделать глупостей. Увижу его снова – голову напрочь потеряю.

А нельзя – отец не переживёт. Мама, как ни странно, сквозь пальцы смотрит на возможности добрачных связей, а отец свято блюдет мою честь. Стоит только приблизиться ко мне кому-то мужского пола – ближе, чем положено приличиями – он взрывается. Я его, конечно, не боюсь, но и огорчать не хочу. Но, кажется, это не в моих силах.

2. Планы леди Оберлинг

Почти полдня пришлось провести в пустых хлопотах: перебирали с матерью наряды, чулки, бельё, выбирали платье для того самого дня. Заодно мама лично перевернула мои богатства: отрезки шелка и бархата, тонкие полотна для пошива постельного белья и, самое ценное – сундучок со специями. Опустив тонкие руки в тяжелый короб и бездумно поглаживая меха, она, прикрыв глаза, вспоминала о собственном приданом.

– Я раньше думала, что приданое – пережиток прошлого, – мечтательно говорила она. – Показатель отеческого богатства, пыль в глаза... Нет, приданое – это для невесты кусочек родного дома, воспоминание о маминых руках, о тепле отеческого очага... Как мне не хватало здесь красных атласных одеял, которые я оставила в сундуках... Как не хватало платьев и обуви, полотенец и простыней! Сколько бы я отдала, чтобы спать на подушках, расшитых бабушкой! Моё приданое было отправлено жениху... ничего, кроме платьев, сестра не вернула. И верно, меня считали пропавшей, умершей. Моего возвращения не ждал даже отец.

Мама отвернулась, скрывая наворачнувшиеся на глаза слёзы. До сих пор она не смогла простить своего родителя.

– Тем обидней мне, Виктория, слышать от тебя, что ты хочешь ехать к деду и жить возле него. Человек он хитрый, коварный, про таких говорят в Славии «сам себя перехитрит». Конечно, он уж стар, возможно, стал мудрее и добрей, но я бы не стала в это бездумно верить. Пойми: попадешь в его дом – станешь разменной монетой, заплатишь по его счетам. Не доверяй его словам, Ви, не поддавайся на льстивые речи. Любит он только одного человека: себя.

Я только вздохнула тихо – мама, мне показалась, слишком долго упивается своей обидой. Дед запомнился мне вполне безобидным стариком, которого мало что интересует, кроме своих книг. Может он когда-нибудь и был цепным лисом государя Славского, но сейчас зубы его затупились и хватка ослабла. Да и что он может сделать? И государь-то давно сменился.

– Умоляю тебя, дочь моя: найди себе суженого поближе ко мне, – прикоснулась к моему плечу мать. – Мне невыносима мысль отпустить тебя в такую даль!

– Ну мам, – пробормотала я смущенно. – У тебя же братья останутся. Зачем тебе я?

– Ты мой первенец, – ответила мать. – Ты дочь, моё продолжение, моё сердце. А мальчишки – что мальчишки? Улетят как орлы, и останусь я в одиночестве. Мальчишкам здесь делать нечего – нет у них тут ни наставника, ни примера. Отец твой не маг, не может дать им нужных знаний. Я же не способна удержать их на месте. Им нужна строгая дисциплина. Пришла пора отправить их учиться. Думается мне, что ловчие из них получатся просто великолепные.

Мама лукавила: магом она была отменным; до сих пор ее вызывали на разные происшествия, но работать она соглашалась только в паре с дядюшкой Кирьяном. Вдвоем они были удивительной силы командой, дополняя и поддерживая друг друга. Точно так же в связке магичили близнецы. Вроде и сил у них не так уж много: но как объединятся – можно прятаться. Я была согласна с мамой: их силу нужно уже обуздывать, направлять. Да и отец слишком мягок с ними – любит он нас без памяти. Хоть и прикрикнуть может, и обругать – но за хворостину у нас берется только мать. Да и то меня жалеет всегда. А близнецам порой достается.

Мама любит меня больше мальчишек, я это знаю. Но и ждет от меня больше. Иногда от ее требований мне хочется сбежать, хоть в Славию, хоть в Франкию, а хоть и в саму Степь! Никогда, никогда мне не стать такой как она.

Внешне мы с ней схожи, и фигурой, и волосами, только роста я меньше на целую голову, да глаза у меня папины – волчьи. Но если мама выглядит хрупкой, изящной, будто статуэтка из франкского стекла, то я – девушка-беда. Вечно оступаюсь, спотыкаюсь, всё роняю. Хотя танцевать у меня получается гораздо лучше, чем у нее, ах, до чего же я это люблю! Вальс, кадрили, минует! Иногда я даже без музыки танцую, только б танцевать!

Мама заставила меня примерить платье из белоснежной кисеи; к счастью, оно уже было мне узко. В таком платье я чувствую себя маленькой девочкой. Мне больше по душе яркие цвета. Я хищно вцепляюсь в алый шелк. Но мама непреклонна: платье слишком яркое для весеннего бала. Лазурное слишком открыто; розовое я отвергаю, как детское. Бархат тяжел для молодой девушки, парча слишком роскошна – она для более официальных мероприятий. Муслин слишком летний, шерсть не нарядная.

Сошлись на кремовом атласе: хоть я и похожа в нем на торт, но оно хотя бы в меру сдержано и не для юных девочек. Платье уже вышло из моды, но это легко исправить. Портниха отрежет рукава, добавит кружев на корсаж, поднимет спереди подол, чтобы виднелась кружевная нижняя юбка. К счастью, в моде нынче простые силуэты, а фижмы и турнюры уже совершенно устарели. Мама предложила добавить голубой пояс и перчатки в тон. Высокая прическа и ажурная полумаска завершит мой образ.

– Глупости эта маска, – пожалала плечами я. – Меня по волосам узнают. Ни у кого таких нет.

– Есть, – улыбнулась мама. – У Стефы.

– Стефа еще ребенок, – поморщилась я. – Ей всего четырнадцать. На балу ее не будет.

– Девочка уже с тебя ростом. Она вырастет высокой, как и Кир.

Стефания – моя кузина, дочка дядюшки Кирияна. Взлетел он так высоко, что род Браенгов нынче почитался выше прочих знатных семейств. Каким-то невероятным чудом ему позволили взять в жены младшую сестру короля Эстебана, в то время еще кронпринца. Впрочем, дядюшка совершенно не взгордился, отказавшись от всяческих должностей. Конечно, негласно он был едва ли не вторым лицом в государстве, и король к нему благоволил, но репутация вздорного сумасброда за ним закрепилась, кажется, навечно. Едва ли к нему осмеливались обращаться с просьбами – нет, он всегда внимательно выслушивал жалобщиков и непременно разбирался в предмете споров или чаяний. Но именно это и пугало просителей: результат мог быть совершенно не в их пользу, а исключительно по справедливости, причем зачастую в совершенно искаженном понимании.

Я же дядюшку обожала, он всегда находил на нас – детей – время, дарил подарки, играл и возился с нами, будто сам был ребенком. А вот Стефания меня порою пугала. Уж очень она была хитроумной и упрямой. Если что задумала – непременно сделает. Про нее говорили, что она истинный Браенг – и, видит богиня, это действительно так. Я старалась с ней никогда не спорить: себе дороже выйдет.

Неделя, отведенная на подготовку к поездке в столицу, пролетела стремительно, будто ласточка. Вставали засветло: укладывали вещи в сундуки, перешивали платья: мама была рачительна, и несмотря на то, что нужды мы никогда не испытывали, выкидывать вещи не позволяла. Обувь чинили, одежду штопали, а из совсем ветхой шили лоскутные одеяла; вязаные вещи, поеденные молью, распускали и плели из ниток коврики. Отец всегда называл мать «мышью» за ее скупость и любовь к замку Нефф, а она в ответ шутила, что вышла замуж не за него, а за замок.

И это правда: замок, хоть и казался кому-то лишь грудой камней, отвечал ей истинной любовью и преданностью. Мама могла открыть любую заклинившую дверь, заколоченное окно легко поддавалось ее пальцам, она никогда не мерзла, хотя и гости, и слуги жаловались на сквозняки. Случись маме приболеть – в замке она выздоравливала быстро и легко. Любой же, кто смел поднять против нее голос, непременно платил за неуважение: спотыкался ли на ровном месте, подворачивал ногу на лестнице, простужался... Она была Хозяйкой, истинной царицей этих мест. Все вокруг любили и уважали ее, впрочем, и она всегда была в заботах. Ни одно происшествие не оставалось без ее внимания. Весной она выращивала рассаду и сеяла репу, летом вызывала дожди или, напротив, прогоняла прочь непогоду, которая, к слову, здесь бывала гораздо чаще, нежели солнце, осенью считала урожай с деревенскими

и отбирала овощи на продажу. Но самое сложное время ее было зимой: снега выпадало много, а лучше нее, кажется, во всей Галлии никто не управлялся с ним. Сейчас ей уже помогли близнецы, а раньше зимой приезжал дядюшка Кир с женой и дочерью.

Сейчас в Пригорье стояло самое спокойное время – начало весны. Пора метелей закончилась, светит много солнца, хоть и не теплого, но очень яркого. Урожай сеять рано – земля холодная. С рассадой в последние года занимается наемный маг. В деревню не проехать – тропы развезло, кругом ручьи и водопады, грязь стоит непролазная. Пытаться по такой дороге ехать на коне – чистое смертоубийство. Оборотни разве что в звериной ипостаси пройдут, но мама не оборотень. Вот и сидит она дома, всю свою энергию растрачивая на попытки приструнить братьев да замок сверху донизу отмывает.

Самое время для балов.

И поскольку дорог сейчас нет совершенно, для нашего семейства дядюшка организовал портал в столицу. Это единственное, что хоть немного поднимает мой унылый дух. Трястись целую неделю в карете, да по горным дорогам – удовольствие, прямо скажем, сомнительное. Да что там, вовсе никакой радости, только отбитые бока, тошнота и ломящая спина.

Мама у меня балы терпеть не может: вероятнее всего она скажется больной, и везде меня будет сопровождать отец. Бабушка Юлианна (вообще-то прабабушка) и вовсе в столицу ни ногой. Ей нравится тишина и уединение замка Нефф. Она останется здесь зарастать и дальше паутиной. Говорит, интриг в свое время повидала достаточно и теперь мечтает завершить свою жизнь в покое. С бабушкой мы не столько родственники, сколько подруги. В отличие от мамы, она ничего не требует и не ждет, а просто принимает меня такой, какая я есть.

Именно бабушке я рассказала о всех своих страхах и сердечных переживаниях. С мамой о таком поговорить страшно. Не поймет она. Бабушка поняла. Хоть и не нравилась ей эта ситуация, но выхода она, как и я, не видела. От бала отказаться невозможно, ЕГО я там обязательно встречу – иначе и быть не может. Впрочем, бабушка, прекрасно зная человека, в которого я имела неосторожность влюбиться, уверила, что ОН меня не обидит.

– Хотя осторожность никогда не помешает, – напоследок сказала бабушка. – Королевский бал – странная вещь. Голову закружит так, что и сама не поймешь, как согрешила. Постарайся уж не забеременеть, девочка. Глупости глупостями, а ребенок – совсем не то, что тебе сейчас нужно. Да и куда тебе дети? Поживи для себя. Не все туфли стоптаны, не все платья сношены. Жизнь – такая интересная, некуда торопиться...

Я бледнела, краснела, но за науку поблагодарила. Да и что говорить – права она. Ни замуж, ни уж тем более детей я не хочу. Мне близнецов хватило. Дети – это как-то очень сложно и хлопотно.

Близнецы ведут себя почти смирно – подрались за день всего дважды, и даже без явных увечий. В портал – темную дыру в пространстве – они ныряют первыми. Следом отец закидывает сундуки – а их немало. Потом проходим мы с матерью, и самым последним – лорд Оберлинг.

3. Распутница

Я люблю городской дом Оберлингов больше дряхлого замка Нефф. Дом в Льене светел и высок, в нем большие комнаты и современная система отопления: водными трубами. Подобные системы есть даже в бедных столичных домах. Водные трубы проложены под тротуарами главных улиц, отчего на мостовых никогда нет ни льда, ни снега. За температурой воды следит специальное магическое ведомство – сплошь маги огня. Отец в шутку предлагал мне устроиться туда на работу – раз уж я не хочу замуж. Разумеется, женщину никто туда не примет. Хотя, поговаривают, в столице даже есть женщины-ловчие. Да что уж там, моя же мать находится на государственной погодной службе и при необходимости выезжает как в столицу, так и в любое другое место Галлии.

Король Эстебан слывет очень прогрессивным политиком. Он допускает расширение привилегий для женщин. При нем женщины появились не только в гильдии портных и вышивальщиц, но и среди врачей. Раньше женщина не имела право работать врачом – только помощницей. Кроме того, женщинам разрешили владеть лавками: кондитерскими, аптекарскими, даже и ювелирными. Ранее такое было возможно только в том случае, если дело осталось вдове в наследство от мужа, а теперь любая дама или даже леди может открыть свой магазинчик или мастерскую совершенно самостоятельно. Ей не нужен ни опекун, ни помощник.

Если бы у меня были хоть какие-то таланты в рукоделии, я бы, возможно, попробовала свои силы в ведении дел. Уверена, отец помог бы мне купить лавку и даже вести дела. В конце концов, матушка научила меня считать прибыль и убытки, я разбиралась в ценах на овощи, ткани, меха и шерсть куда лучше многих мужчин, да и домовые книги я заполняла самостоятельно уже несколько лет. Впрочем, такими умениями хвалиться в обществе не принято, несмотря на политику его величества. И по сей день важнее, кто твой муж, нежели кто ты. Среди девушек ценится умение петь и музицировать, вышивать, шить, рисовать... Вряд ли можно поразить женихов познаниями в арифметике.

И уж совсем не стоит рассказывать, что из всех женских умений тебе лучше всех дается готовка. Леди не стоят на кухне, и точка. Всё, что может сделать хозяйка дома – обсудить меню с кухаркой. Даже матушка не занимается кухонными делами. А я отчего-то с детства любила сидеть на кухне и с удовольствием помогала поварихам. Маме это не слишком нравилось, но она мне ничего не запрещала, даже более того – заказывала для меня специи, покупала безумно дорогие зерна какао и кофе, подарила мне красивую ручную мельницу.

Здесь, в городском доме, конечно и речи не шло даже о том, чтобы появиться на кухне. Впрочем, и не до этого: до главного бала весны осталось всего несколько дней, надо купить перчатки, закончить платье, обязательно прогуляться по магазинам и съесть пару пирожных в кафе – и всё это под пересуды местной аристократии. На нас смотрит множество глаз: мы родственники Кирьяна Браенга, а, значит, и самого короля, а Милослава Оберлинг – не просто одна из самых красивых леди, но и еще известный маг на службе короны. Про нее непременно сплетничают, подмечая каждый ее шаг, каждый жест. Ее репутация на грани скандала и преклонения.

Но несмотря на всю двусмысленность положения нашей семьи, мы везде желанные гости. Юные девушки стремятся со мной подружиться, а молодые люди жаждут быть представленными.

За три дня я получила с десятков предложений руки и сердца, что злило отца и забавляло мать. К счастью, о лорде Оберлинге слава идет недобрая – что и пьяница он, и скандалист, и подрасться может. Меня это забавляет – второго такого доброго человека я не встречала. Но стоит ему грозно посмотреть на моего предлагаемого ухажера, как последний начинает трястись и блеять как баран. Ну вот о какой симпатии может идти речь? Не встретился мне

пока мужчина, который смог бы перечить отцу. Возможно, это всё потому, что он некогда был сильным магом, но выгорел и долго не мог восстановиться. Если бы его звериная ипостась не усилилась, мог и вовсе не выжить. И теперь, пожалуй, ни один оборотень не мог ему не подчиниться. Боюсь, даже его величество не сможет выдержать отцовского взгляда.

Даже меня его ярость к земле пригибает, а ведь я любимое дитя, и он всегда сдерживается. И только господство леди Оберлинг признается отцом без малейшего возражения. Думается мне, не найти в целом свете мне подобного человека, который был бы кроток со мной и суров с врагами. У оборотней скорее принято жить наоборот: женщин своих держать в страхе и подчинении, а с мужчинами быть вечно настороже.

Братьев моих в этот раз оставляют с дядюшкой Кирьяном; кто-то должен присмотреть, чтобы они не разнесли дом в наше отсутствие. Весенний бал – событие больше для молодежи, а его дочь недостаточно взрослая для него. Он так радовался, что избавлен от столь утомительного события, что привезти к нему в гости близнецов было просто делом чести. Потому что никто не должен быть счастлив, когда мои родители страдают.

Высшее общество в моей семье не любит никто. Кроме меня, разумеется.

Я, хоть совершенно не хотела ехать, всё же с самого утра пребывала в нетерпении. А вдруг и встретится мне тот, кто вытеснит из сердца совершенно неподходящего мне мужчину? Может быть, кто-то из Ваенгов меня покорит, или еще какой сильный маг. Потому что, хоть мама и говорит, что любовь превыше всего, но не отдадут меня в род, меньший по знатности.

За два часа до назначенного времени я уже от волнения искусила губы и разорвала кружевные перчатки. Не избежать мне встречи с любимым, так чего печалиться? Судьба нас сводит снова и снова. Да, он женат, но всем известно, что брак был по расчету, и между супругами нет ни особой любви, ни даже уважения. Поговаривают даже, что и спальню жены своей после рождения второго сына он не посещает, но тут даже я, готовая простить ему всё, не верю. Не совсем уж я наивная. Оборотни без физической близости не могут.

Наконец подают карету. Натянув новую пару перчаток, накинув на плечи шубку, я быстро процокала каблучками по мостовой и нырнула в теплый полумрак. Ехать было всего ничего – два квартала; я бы с огромной радостью прошла этот путь пешком, но так не принято. А мы ж Оберлинги, да еще в родстве с Браенгами – не нам нарушать традиции.

Мой отец один из самых красивых мужчин старшего поколения. У него худое хищное лицо, орлиный профиль, ярко-голубые глаза и стройная фигура. Модный нынче калот глубокого синего цвета сидит на нем лучше, чем на большинстве молодых людей. И даже совершенно седые волосы его не портили. С лукавой усмешкой я предсказала отцу, что на балу он будет популярен, и попросила оставить для меня пару танцев. Отец клятвенно пообещал уделить самой завидной невесте Галлии внимание, достойное столь прекрасного цветка. Мама с ласковой улыбкой слушала нашу веселую болтовню, мечтательно глядя в окно. К королевскому дворцу подъехали совершенно счастливые, в прекрасном настроении.

Вцепившись в локоть отца, чтобы не затеряться в толпе раньше времени, я нетерпеливо приплясывала, отбивая ритм музыки носком сапожка. Ноги сами собой стремятся пуститься в пляс, а в груди жарким огнем распускается нетерпение.

Столь великолепное настроение раньше означало, что я на радостях могу что-то спалить, но, к счастью, подобные конфузы остались в прошлом. Я давно уже научилась держать свой огонь внутри себя. Отец учил. Он, хоть и выгоревший, а всё же некогда маг, да и характером я пошла в него. Он тоже бушевал и в юности, и сейчас. Оттого, по его словам, и сгорел – не смог удержаться на краю, надорвался. Иногда, в минуты ярости, он даже благодарил богиню за подобную потерю: во всяком случае теперь он не смог бы причинить никому вред. Уроки отца оказались мне очень полезны, я научилась сдерживаться и пригашать свой пыл. Учение далось мне тяжело, но я не переставала отца благодарить.

Первый танец я чинно оттанцевала с отцом, а потом – всё. Будто метелью в ненастный день меня захлестнуло людским потоком. Все были в масках, но, наверное, узнаваемы – я не ставила себе целью определить, кто из молодых людей, хватавших меня за руки и тянувших в круг, Ванг, а кто Стерлинг, а кто и вовсе дядюшка Лео Оберлинг. В отличие от одинаковых мужчин я была вполне узнаваема: косы до колен спрятать невероятно сложно. Таких тут больше нет – думала я, пока вдруг не столкнулась нос к носу... с собой. В какой-то момент, утомившись от буйных танцев (отчего все балльные вечера, начинаясь со спокойных котильонов, спустя очень небольшое время превращаются в вакханалию?) я отошла к окну, желая глотнуть свежего воздуха и ледяного игристого вина, и внезапно увидела перед собой тонкую девушку в платье сливочного цвета, бирюзовых перчатках и длинными косами цвета красного дерева.

На девушке была кружевная полумаска. Костлявые плечи, выступающие ключицы, длинный нос, твердый подбородок и густые брови вразлет – я смотрела на себя будто в зеркало. Зажмурилась, пытаюсь справиться с охватившим меня липким оцепенением, замерла на месте – и тут же какая-то пара врезалась в меня, закружила, едва не сшибив с ног. Я раскрыла глаза: и в самом деле передо мной было зеркало. Отчего же я так испугалась своего изображения? Что-то было в нем неправильное, необычное.

Почувствовав пылающее напряжение внутри себя, я выскользнула на балкон и, вцепившись в холодные металлические перила (необыкновенной красоты и тонкой работы), жадно глотала свежий воздух. Воздушники накрыли дворец и часть сада куполом теплого воздуха, чтобы разгоряченные танцами гости не рисковали простудиться, поэтому мне по-прежнему было очень жарко, я вся пылала.

Закрыла глаза, успокаивая бешено колотящееся сердце. И тут же широко распахнула их, потому что обнаженной шеи коснулись горячие мужские губы. И хотелось бы вырваться из рук, мягко легших на плечи, отпрянуть от мужского тела, да ноги вдруг ослабли и дыхание перехватило.

– Ты здесь, – раздался шелест возле моего уха. – Я ждал. Весь вечер ты ускользала от меня. Любимая...

О богиня, дай мне сил! Впрочем, пресветлая мать, богиня любви и верности, хранительница семейного очага вряд ли мне бы помогла. То, что я творю, что он творит – грешно, грешно, грешно! Но так сладко! Откинулась ему на грудь, опустила ресницы, позволила его ладоням невесомо скользить по моим локтям, по предплечьям, легко касаться жилки на шее, где отчаянно колотится пульс.

Невинные ласки обжигали, мужские пальцы делались всё более настойчивыми, уже с силой сжимая тонкую талию и поднимаясь выше. В один момент не выдержали оба. Рывком мужчина развернул меня к себе, нашел мой рот своими губами, оттянул косы, заставляя запрокинуть голову выше, к нему навстречу. Я хотела больше, больше! Хотела цепляться за его плечи, расстегивать его рубашку, проводить руками по влажной мужской груди... он весь пылал огнем – так же как я. Взрывоопасное это дело – два огненных мага столь близко!

Наконец, когда уже совсем перестало хватать воздуха – я, кажется, вовсе разучилась дышать – мы отлепились друг от друга. Я чувствовала его боль как свою: он судорожно прижимал меня к себе, не желая отпускать. Я прятала слёзы, уткнувшись в его плечо.

– Не приходи больше, – хрипло прошептал он. – Я боюсь, что не удержусь однажды. Приходи каждый день. Может быть, я привыкну к тебе...

– Я не могла не прийти, – тихо ответила я. – Приглашение...

– Да, ты важная птица, – горько усмехнулся он, поднося к губам мою руку и целуя запястье. – Тебя хотят все знатные семейства... Ты сменила перчатки?

Вот оно! Я сменила перчатки! Взамен голубых, которые я порвала, мать дала мне кремовые. А отражение моё было в голубых перчатках! Уверена, и глаза у него были другого цвета.

Отступила на шаг, поглядела в любимое лицо – по статусу ему не положено маски, – улыбнулась с уверенностью, которой не ощущала.

– Мне надо идти, – сказала я. – Если отец узнает, он будет в ярости.

– Будет, – кивнул мой любимый мужчина с бесконечно усталыми глазами. – Непременно будет. Когда я увижу тебя вновь?

– На следующем балу, я полагаю, – вздохнула я. – Или у Стерлингов. Я буду там через три дня на музыкальном вечере и непременно убегу прогуляться в оранжерею.

– Я понял, – кивнул мужчина. – Не ищи меня там, это неправильно. Всё, что между нами, неправильно.

Я нисколько в этом не сомневаюсь!

4. Неожиданная сообщница

Выскользнула с балкона, полная решимости разыскать своё второе «я» и устроить ему взбучку, однако народу было так много, что особа в кремовом платье и голубых перчатках не попала мне на глаза. Что ж, во всяком случае, моего отсутствия никто не заметил.

Скорее всего, на балконе я была совсем не долго, не больше четверти часа. Слишком малый срок для столь насыщенных событий. Любая встреча с ним – будто вечность тянется. Не хочу больше ни танцев, ни чужих рук на талии, ни голосов, отпускающих банальные и пустые комплименты – словно он забрал с собой весь мой пыл. Но иначе нельзя – отец учует запах. Оттого я натягиваю на лицо улыбку и с готовностью принимаю приглашение на танец – неважно, чьё. И ещё одно. И ещё. Наконец глаза находят сливочный атлас, и, бессвязно извинившись перед партнером, я бросаюсь вслед девушке, покидающей бальную залу.

Она знает дворец лучше меня – не упустить бы! Догоняю в коридоре, хватаю за локоть – пусть спасибо скажет, что не за косу!

– Стефа, ты с ума сошла? – гневным шепотом спрашиваю я. – Тебе четырнадцать!

– И что теперь? – сердито ответила моя малолетняя тетка. – Я взрослая!

– Ты не взрослая, ты дурная! – этот спор можно продолжать бесконечно. – Кто тебе позволил под меня наряжаться?

– Зато никто не заметил, что ты с мужчиной на балконе целовалась! – выпалила Стефа торжествующе. – Можно сказать, что я тебя прикрыла!

Я замираю с открытым ртом – крыть мне нечем. Малолетняя засранка переиграла меня вчистую и прекрасно это понимает.

– Я не говорю ничего твоим родителям – а ты моим! – смело смотрит на меня Стефа. – Всё по-честному!

– Только если пообещаешь мне, что больше такого не повторится.

– А ты можешь обещать, что больше не будешь целоваться с парнями, которые не годятся в женихи? – весело спрашивает девчонка.

– Мне и не четырнадцать!

– Дак и ты с его величеством целовалась, а не с каким-нибудь Ваенгом! Подумай, что скажет твой отец!

Я тяжело вздыхаю: не нравится мне всё это, а сделать ничего не могу. Придется молчать.

– Кто тебе разболтал про мой наряд? – полюбопытствовала я, смиряясь.

– Так я и сказала! – фыркает Стефания. – Возможно, я еще пару раз воспользуюсь таким же способом.

– Хорошо, я уволю всех горничных.

– Ладно, – сдаётся девочка. – Мама придумала. Я ведь ничего плохого не сделала. Просто танцевала...

Продолжение фразы повисло в воздухе: в отличие от тебя, Виктория. В отличие от тебя.

После такого потрясения я наплевала на все приличия, разыскала мать и сказала, что у меня разболелась голова. Что теперь будет? Если отец узнает... если Стефа проболтается...

Матушка с радостью согласилась покинуть бал, но настояла на прощании с его величеством. Она всё еще была с ним в дружеских отношениях. Со страхом я прошептала надлежащие фразы, с трепетом позволила поцеловать себе руку. Какое-то мгновение моя рука задержалась в его руке. К счастью, никто не обратил внимания на эту маленькую заминку.

Не удивительно, что заснуть мне удалось только под утро. А к обеду снова началась старая песня: мне приносили букеты цветов, записки, приглашения на вечера. Один за другим прибывали молодые холостяки в надежде увидеть меня. Отец злился. Отец бушевал. В конце концов, матери пришлось открывать дверь самой и вежливо, но твердо сообщать, что юной леди

Оберлинг нездоровится. Я бы, пожалуй, не отказалась и заболеть, только бы сбежать от всей этой суматохи, но увы – чувствовала я себя отвратительно здоровой, даже мозоли не натерла, танцуя.

До музыкального вечера у Стерлингов было еще два дня, и прятаться от потенциальных женихов становилось всё труднее. Нас настигали и в театре, и в магазинах, и в парке. Отец предложил сбежать домой, в Предгорье, но мама не позволила.

И вот я стою в великолепной оранжерее среди экзотических цветов. Надо мной стеклянный купол, через который видны звезды на ясном вечернем небе. Из дома Стерлингов доносится музыка. Музыкальный вечер как-то очень быстро стал похож на танцевальный. Моего отсутствия никто не заметит – Стефа прикрывает. Мать осталась дома с мальчиками, отец пьет виски и играет в карты, а я... а я нюхаю розы и жду.

Со Стефанией мы теперь в одной лодке. Она жаждет быстрее повзрослеть и вкушать запретных удовольствий. К счастью, не настолько запретных, за которыми гонюсь я. Пока ей достаточно танцев и мужского внимания. Глупые «женихи» даже не понимают, что длинные волосы и густые брови – еще не вся я. Даже не пытаются разобраться, рысь перед ними или волк. Не видят разный цвет глаз. Да еще эта мода на маскарады! Зачем, зачем на музыкальном вечере маски?

Не придёт.

Снимаю маску, потирая виски и переносицу. Запах роз слишком тяжел для меня. Теперь уж точно голова разболится. Вообще сегодня всё тянет меня вниз: и тяжелая объемная прическа, и многослойное платье, и растущая луна. Хочется уже раздеться лечь в постель. Хочется убежать хотя бы в сны.

– Ты здесь? – раздаётся удивленный голос из темноты кустов вьющейся розы. – А кто в салоне?

– Стефа, – устало отвечаю я.

– Забавно. А Кирьян в курсе?

– Конечно, нет, – отчего-то усталость наваливается на плечи еще сильнее. – Как вы себе это представляете: дядюшка Кир, одолжите мне Стефу на вечерок, она прикроет меня, когда я пойду на свидание с его величеством?

– Язвишь, маленькая моя? – усмехается король, подходя ближе.

– А что мне еще остается? Плакать?

– Думаешь, я счастлив? – сердито сжимает мои плечи Эстебан. – Думаешь, мне в радость влюбиться, будто мальчишке, в невинную девушку, которая годится мне в дочери?

– Счастлив, конечно, – усмехаюсь я, прижимаясь к нему теснее. – Любовь всегда счастье, разве нет? Иначе отчего ее воспевают поэты и певцы?

– Помолчи, сделай милость, – тихо говорит его величество, утыкаясь губами в мой лоб. – Давай просто помолчим.

– Что, и целоваться не будем? – не выдерживаю я.

– А что, тебе хочется?

– Конечно, – серьезно говорю я. – Это в любви самое главное!

И я тянусь к его рту, словно цветок к солнцу. Его величество несколько не сопротивляется, напротив, ловит губами мои губы. Счастье наполняет меня с ног до головы.

Однако Эстебан – не юная девочка; он взрослый опытный мужчина. Как долго он вытерпит такое положение дел? Поцелуев ему скоро станет мало. Что же мне делать? Позволить ли ему... большее? Или раствориться в тени? Уйти и никогда не узнать, каково это – сгорать от страсти, вздыхать от блаженства... Мой выбор очевиден: если я люблю его, то хочу пройти до конца. И плевать на все приличия. Для чувств нет границ!

Увы, я не успеваю ни сказать, ни спросить: в оранжерее появляется мой двойник. Такое же платье, такая же маска. Даже перчатки на этот раз те же.

– Ви, отец ищет тебя, – машет мне рукой Стефа. – Он, кажется, того... набрался! Здрастье, ваше величество!

– Здравствуй, Стефания, – устало вздыхает король, отступая от меня на бесконечно длинный шаг. – Не могу сказать, что рад тебя видеть!

– А я, пожалуй, рада, – задумчиво склоняет голову его племянница. – Вы как приехали? Прихватите до дворца? Вечер для меня окончен.

Я с трудом подавила улыбку: мало кто осмелится разговаривать с королем с таким нахальством. Стефа берет дядюшку под руку, посылает мне воздушный поцелуй и уводит его прочь. Интересно, как быстро нас рассекретят?

Надевать маску бессмысленно. Надо идти искать отца. В любом случае мне здесь больше делать нечего. На выходе из оранжереи меня перехватывает какой-то юнец, намереваясь облобызать мои руки. Ну, Стефа! Погоди у меня! Какие авансы ты раздавала от моего имени?

– Простите, я спешу, – отталкиваю я какого-то представителя древнего рода (других здесь и нет).

– Прекрасная Виктория! – звучит мне в след. – Но мы ведь встретимся завтра? Вы обещали!

Я ее убью!

Недоросль галопом скачет за мной. Пришлось остановиться и приглядеться повнимательней. А, Ваенг!

– Послушайте, лорд Ваенг, – терпеливо говорю я. – Между нами ничего быть не может. Неужели вы не видите, что вы рысь, а я волк?

Юноша трезвеет на глазах.

– Как же так? – бормочет он. – Мне показалось...

– Пить меньше надо, – свысока бросаю я любимую мамину фразу и спешу ускользнуть, пока он не догадался, что нас было двое.

Всё, Стефочка, ты заигралась!

Отец не так уж и пьян, вернее, даже почти трезв. Взгляд у него ясный, хотя ему весело и язык заплетается. Это ничего. Вот когда он начинает говорить четко и по делу, причем непременно гадости – вот тогда уже окончательная стадия. Надо уводить его, пока он не выпил еще и со всеми не разругался. Пьян! Ха-ха! Кто хоть раз увидит, а точнее услышит пьяного лорда Оберлинга – вовек не забудет!

Вытащить его удалось не сразу: в карты ему везло. То есть все вокруг думали, что везло, но я-то видела, как отражаются карты лорда Стерлинга и лорда Ваенга в поверхности стеклянного стола. Пришлось пригрозить, что я расскажу обо всем маме. Только после этого он бросил свои абсолютно проигранные карты на стол и встал с извинениями.

– Где ты была? – поинтересовался отец, накидывая мне на плечи пелерину. – Я тебя не видел.

– Здесь, – растеряно ответила я. – В салоне, с молодежью.

– Не ври отцу. Я тебя не чуял.

Я замерла испуганно, сердце застучало об ребра.

– Пить меньше надо, – прошептала еле слышно.

– Может и так, – согласился отец.

Пронесло!

С его величеством мы виделись еще дважды: на семейном вечере во дворце в честь дня рождения дядюшки Кирьяна (там только и удалось, что украдкой соприкоснуться пальцами) и на балу, устраиваемом семьей Цукерингов. Оттуда я убежала в парковый лабиринт. Холодный, с голыми ветвями, мокрыми от утреннего дождя лавками... идеально для свиданий. Поговорить, разумеется, не удалось. Да и не до разговоров было.

Иногда мне казалось, что я вовсе не живу, а сплю постоянно. Единственные минуты жизни были рядом с ним. Иногда, напротив, наши свидания казались ночным кошмаром, тем более, виделись мы всегда в темноте. Я всё больше боялась разоблачения и, в тоже время, растущая луна не давала мне покоя. Мне хотелось, чтобы поцелуи были жарче, руки смелее, тела ближе.

– Я хочу, – шептала я бесстыже, прижимаясь к Эстебану.

– Чего ты хочешь, радость моя?

– Вас... тебя!

– Завтра... – наконец произнес он. – Завтра приходи к западной калитке в полдень.

Я счастливыми глазами смотрела на своего короля. Завтра!

Уйти из дома в полдень оказалось до смешного просто. Маме я сказала, что иду к подруге, отца не было дома. У западной калитки меня встретил мужчина в черном плаще, скрывающем лицо. Смешной! Неужели я не узнаю его запах? Его величество провел меня через сад в маленький летний павильон со стрелчатými окнами и красной крышей. Внутри горел камин, был накрыт столик на двоих, ласково светили свечи. Бархатные портьеры задернуты, создавая мягкий полумрак. Я скинула тяжелый шерстяной плащ, оставшись в весьма фривольном платье.

О, разумеется, у меня не было вызывающих нарядов! С низким вырезом – были, с открытыми плечами тоже. Но если не надевать нижнюю сорочку под строгое синее платье, в котором я, признаться, выглядела как ученица монастырского пансионата, вырез получается очень рискованным. И эта шнуровка на голой спине – она должна выглядеть соблазнительно. Во всяком случае Стефа, помогавшая мне выбрать столь провокационный наряд, сказала, что я потрясающая, и будь она мужчиной – непременно бы соблазнилась.

Мне было неловко, но в то же время очень весело. Хотелось то ли хохотать, то ли спрятаться в уголке и плакать. Бросало то в жар, то в холод: по обнаженной сверх всяких приличий спине стекали струйки пота.

Я так и не поняла, оценил ли Эстебан наряд: по его лицу сложно было что-то прочитать. Король вел себя учтиво, но не более того: отодвинул для меня стул, налил вина. Я залпом выпила его, отчего-то решив, что оно поможет мне справиться с волнением. Кусок в горло мне не лез, я только потыкала вилкой в отменно приготовленную рыбу: в горах мы такое и не пробовали. Его величество, напротив, обедал с аппетитом. Наверное, редко ему удается так спокойно поесть. Короли не созданы для одиночества. Я наблюдала за ним с восторгом: его манеры безупречны.

Наконец он отложил приборы и предложил переместиться на диван. Я окинула предполагаемое ложе любви хищным взглядом: подходит! Эстебан не спешил, он лишь потянул меня к себе на колени и уткнулся носом в шею. Обратни любят кусать своих партнеров – очевидно, эта привычка сохранилась в них с древних времен. Я ждала боли, но получила лишь поцелуй.

– Нам нужно поговорить, Ви, – тихо сказал он.

– Не нужно, – закрыла его рот ладонью я. – После поговорим.

И принялась расстегивать пуговицы на его рубашке.

5. Разговоры

Всё же поговорили.

Эстебан перехватил мои руки, с мучительным стоном выдохнув:

– Не надо, милая!

А потом сам принялся целовать, и вдруг замер, будто оцепенел под моими ладонями, устремив взгляд мимо меня. С трепетом я обернулась: в дверях стояли мои родители.

Я вскочила с колен короля, прижала ладони к губам. Только бы не закричать и ничего не сжечь! Свечи взметнули огонь вверх едва ли не до потолка, камин угрожающе загудел. Ой, мамочки! Его величество будто нехотя махнул рукой, умирив пламя. С ужасом я взглянула в пылающие ледяным огнем глаза отца, впервые в жизни сожалея, что совершенно не умею падать в обморок.

– Это не то, что вы подумали, – устало сказал Эстебан, потирая лицо руками. – Между нами ничего не было.

– Не было? – свистящим шепотом произнес отец. – То есть это не моя дочь сидела у вас на коленях в полурасстегнутом платье? И вы не целовались?

Я хотела было сказать, что платье такое и было, но от страха не могла вымолвить ни слова.

Громко чеканя шаг, отец прошел в комнату и с грохотом перевернул – просто отшвырнул прочь – ни в чем не повинный стол. Я зажмурилась.

– Ты, – прорычал отец. – Извращенец! Она тебе в дочери годится! Ей всего девятнадцать! Как ты вообще посмел прикоснуться к ней своими грязными лапами?

– Остынь, Оберлинг, – резко ответил Эстебан. – Еще раз повторяю: между нами ничего не было. Ничего кроме поцелуев.

Напрасно! Отец ничего не желал слушать. Я с отчаянием взглянула на мать, больше всего опасаясь увидеть разочарование в ее глазах, но она раскрыла объятия. Я кинулась к ней, ища спасения в родных руках. Дрожа, я уткнулась в ее плечо, едва осмеливаясь взглянуть назад.

– Она еще ребенок! – бушевал лорд Оберлинг. – Невинное дитя!

– Она женщина, – отвечал король с достоинством. – Юная, но женщина. Красивая и желанная!

Зря он так сказал, потому что отца повело. Он упал на пол, рыча, и через мгновение на его месте стоял крупный седой волк. Я завизжала от ужаса. Эстебан тоже перекинулся в волка: красивого, статного, с густой черной шерстью. Животные закружились друг напротив друга, низко рыча и примеряясь, как бы перегрызть противнику горло. К счастью или к сожалению, драки не случилось, седой волк вдруг просто сел и принялся сверлить черного пристальным взглядом голубых глаз. Неизвестно, смог бы отец победить более крупного и молодого соперника – итог сомнителен. А вот взгляд его не мог выдержать никто. Он смотрел не на меня, но даже меня гнуло к полу. Мне хотелось в волчьем обличе упасть на пол и подставить ему живот, признавая его лидерство. Была, конечно, надежда, что король не поддастся этому страшному, выворачивающему кости давлению, но увы – и его голова постепенно склонялась. Я же и вовсе упала на колени – ноги не держали меня больше.

– Максимилиан, – раздался в тишине спокойный голос матери. – Остановись.

Давление исчезло будто по щелчку пальцев. Словно в полусне я смотрела на алые капли, падающие на белый мраморный пол: кап, кап, кап... У меня шла носом кровь. Мать протянула мне льняную салфетку со стола и я, запрокинув голову, прижала ее к носу. Вставать не хотелось. Ноги противно дрожали.

С пола поднялся Эстебан, схватился за подоконник, едва не сорвав портьеру. Отец твердо стоял, широко расставив ноги и мрачно глядя на короля.

– Лорд Оберлинг, – прохрипел Эстебан и, откашлявшись, продолжил. – Лорд Оберлинг, я вынужден настаивать на том, чтобы вы немедленно покинули Льен и отправились в замок Нефф, который я вам покидать впредь запрещаю до особых указаний. Ваша семья может остаться.

– Ну уж нет, – рявкнул отец. – Моя семья отправится со мной.

– Не выйдет, – с деланным сочувствием ответил Эстебан. – Младшей леди Оберлинг необходимо светское общество. Ей еще замуж выходить. Я прослежу, чтобы столь сильный дар передался ее детям.

– К сожалению, у леди Оберлинг другие планы, – мелодично произнесла мать. – Виктория давно собиралась навестить деда в Славии. Мой отец немощен и слаб здоровьем. Он пожелал видеть внучку в своем доме.

Я с трудом поднялась на ноги, удерживая салфетку возле лица и тем скрывая своё изумление. Король внимательно смотрел на маму.

– Дозволяю, – наконец, кивнул он.

– Да кто ты такой... – начал снова отец, но был перебит.

– Лорд Оберлинг, только из уважения к вашим былым заслугам и доблести предков МЫ закрываем глаза на ваше поведение. Поверьте, ссылка – это самое мягкое наказание за попытку государственного переворота!

– Ваше величество, мой муж не в себе, – быстро ответила мать. – Он вовсе не собирался...

Она запнулась, не зная, как выразить мысль, но король кивнул.

– Леди Оберлинг, – мягко сказал он. – У меня два сына... но, разумеется, я понимаю чувства Максимилиана. Поверьте, я ничем не обидел Викторию. Я ведь всё знаю – и про ее молодость, и про свое положение. Но и вы меня поймите. Обстоятельства моего брака таковы, что между мной и супругой нет не то, что любви – уважения, и того нет. Я и сам не понимаю, как вышло, что Виктория стала для меня чем-то большим, нежели дочерью моих подданных.

– Здесь немного вашей вины, Эстебан, – ответила мать. – Вы же читали записки Доминиана, верно? Связь между Галлингами и Браенгами тянется давно... много веков. У каждого Галлинга есть свой Браенг.

– У меня был Кирьян, – тихо сказал король. – Мне было этого достаточно... раньше. Лорд Оберлинг, Милослава... Уезжайте. И... простите.

Мать обняла меня за дрожащие плечи, отец же поднял с пола мой плащ и укутал свою бедовую дочь. Мы брели домой в тишине еще не расцветшего сада. В груди было пусто: ни огня, ни боли. Отец привычно придержал для меня дверь кареты. Только тогда я осмелилась взглянуть в его лицо. Прошел ли его гнев? Я с горечью разглядывала его морщины, седые брови, глубокие складки вокруг скорбно сжатых губ. Он так и не заговорил со мной – ни в карете, ни дома. Сбросил свой плащ на руки подбежавшего слуги, скинул сапоги и ушел в гостиную, откуда тотчас раздались звяканье стаканов.

В своей спальне я скинула это ужасное, вульгарное платье, села перед зеркалом и распустила косы. Мама подошла сзади и принялась расчесывать мои волосы щеткой. Нежно, спокойно. Отчего она не злится на меня?

– Скажи что-нибудь, – взмолилась я. – Отругай меня! Кричи! Только не надо так... молча.

Мама криво улыбнулась моему отражению и принялась рассказывать.

– Когда мне было восемнадцать... да-да, я была младше, чем ты сейчас... в Степи случился пожар. Это был очень страшный пожар. Мой отец уехал его тушить, а я за ним. Я надорвалась тогда, всю осень лежала в горячке, а зимой была слаба как котенок. Но пришла весна, и магия ко мне вернулась, а с ней – и желание жить дальше. У моего отца был охранник, Герман... Он был хороший парень, наверное. Красивый. У нас с ним случился роман. Заметь, я была кнесса, а он простой воин...

– Кнесинка, – поправила ее я.

– Уже кнесса. Указом государевым мне был положен статус. Но речь не об этом. Я не хранила девства до свадьбы и, знаешь... ни разу не пожалела об этом. Я вышла замуж не невинной, и никто не умер, небо не упало на землю, и мир выстоял. Не мне тебя ругать, Ви. Хотя король, да еще и женатый – это сильно. Я даже не знаю, смеяться ли мне или плакать.

– Я невинна, – прошептала я, пряча глаза.

– Потому что он так пожелал, – усмехнулась мать. – Видела я твое платье. Только не вини себя: то, что происходит между мужчиной и женщиной – свято. Дети зачинаются в радости. Другое дело, что есть разница, с кем спать: с любимым – это счастье, с нелюбимым – хуже смерти. Не разменивайся на чужих людей, Ви. Храни себя для того, кто ответит тебе взаимностью.

– Мам, – тихо сказала я. – А как вы узнали?

На мгновение мать замаялась, но всё же ответила:

– Стефа рассказала.

Я кивнула. Наверное, если бы Стефа пошла к любовнику, я бы тоже донесла ее родителям.

Мама баюкала меня, точно я еще была младенцем. Она уложила меня в постель, подоткнула одеяло, совершенно не замечая, что за окном еще светит солнце. Я не стала сопротивляться, понимая, что ей сейчас очень плохо. Всё же, несмотря на то, что отец – бывший военный, в нашем доме главная мама. Она словно столп, на котором стоит семья. Без нее мы были просто кучкой чужих людей. Оттого она первая и принимает все невзгоды на свои плечи. Оттого и нужна ей наша поддержка. Но сегодня я ей не помощница, а отец, кажется, сейчас напьется.

Наверное, я всё же задремала, потому что, когда открыла глаза – уже было темно. Накинув шаль, отправилась на кухню – любовь-любовью, а покушать ночью – первое дело. Увидев свет в спальне родителей, замерла, прислушиваясь.

– Да при чем здесь Степ? – возмутился громко отец. – Какая судьба? Судьбы не существует! Свою жизнь человек творит сам!

– Если бы у меня была возможность творить свою судьбу, я бы никогда не познакомилась с тобой! – отвечала мать. – Не спокойно у меня сердце, не вернется Виктория из Славии, я точно знаю.

– Не нагнетай! Иди сюда. Твой отец, конечно, себе на уме, но не сделает внучке ничего плохого.

– Да при чем здесь отец! Я ж тебе не про отца говорю!

– Тихо, – твердо сказал лорд Оберлинг. – Прекрати истерику. Ты сама понимаешь, что Ви нужно увезти подальше. Так будет лучше для всех. Иди ко мне, Мила, я знаю, как тебя успокоить.

Я невольно улыбнулась и пошла дальше по коридору. Вот бы мне такого супруга, который знает, как успокоить. Который сможет защитить меня и моих детей и удержит мой огонь. Или зажжет, если внутри будет пусто.

Следующим утром в нашем доме былолюдно. Молчал у камина, щелкая пальцами, дядюшка Кир. Весь его вид выражал вселенскую тоску. Не знаю, для чего его позвали – мало им скандала с его величеством? Полагаю, спустя пару дней после моего отъезда все только и будут говорить, что меня застали с королем в весьма пикантной ситуации. Зная высшее общество – расскажут и что было, и чего не было. Шило в мешке не утаишь. Стефа проболтается подружке, подружка еще кому-нибудь... Что-то видели слуги, что-то знает ее сиятельство – жена Кирьяна. Не удивлюсь, если выяснится, что я уехала рожать ребенка куда-нибудь в Китай.

– От Льена до Нугара день пути, – объявил отец, по-прежнему не замечая меня. – Там получим необходимые бумаги. Как мы уже выяснили, Виктория – взрослая женщина, способная на самостоятельную жизнь. Из Нугара до Аранска она поедет одна, дилижансом.

Я в ужасе уставилась на отца: самостоятельная, не спору. Но ведь неприлично женщине моего происхождения путешествовать в одиночестве! Это просто... он что, отрекается от меня?

– Это правильно, – неожиданно кивнул дядюшка Кирьян. – Так безопаснее. Дилижансы быстрые, дешевые, там есть охрана. Кнесу Градскому отправили послание? Он должен встретить девочку в Аранске.

Странное дело: почтовое сообщение между Галлией и Славией развито очень хорошо. Гонцы развозят письма верхом, сменяясь на специальных почтовых станциях. Почта едет быстро – куда быстрее людей.

Впрочем, дилижансы тоже пользуются популярностью. Они быстрее обычных обозов, хотя и не отличаются роскошными условиями. Зато в стоимость поездки входит ночевка на постоялом дворе, завтрак и ужин. В середине дня при смене лошадей можно запастись чистой водой и выпить чаю на станции.

Вопреки своим словам, отец дождался, когда со службы придет Герхард – первый сын его бывшего оруженосца, а ныне старосты Медянки Людвига. С Герхардом у меня особые отношения: с определенного возраста он был приставлен меня охранять. У иных девочек мамы и няньки, а у меня оборотень-медведь шестнадцати лет. В горах всякое может случиться, а я была неугомонным ребенком. Уже после Герхард отправился служить в королевскую гвардию, откуда сейчас его и призвали в столицу – охранять мою персону в пути.

Родители и братья сопровождали меня до Нугара – небольшого приграничного города. Там мне выдали пограничную грамоту, расцеловали и оставили ждать дилижанс. Отцу надо было возвращаться в замок Нефф, и без того он получил отсрочку только благодаря дядюшке Киру.

6. Знакомство с попутчиками

Возле дилижанса топтался полный невысокий мужчина с большим потертым саквояжем. Именно в таком обычно перевозят самое ценное. Он, наверное, думает, что плачевный вид его сумки кого-то обманет. На крыше нашего транспорта на ближайшую неделю уже покоился большой деревянный сундук. Герхард забрался на крышу, затянул туда же два моих ящика и крепко перевязал их веревками. Потопал ногой по дилижансу – этакий медведь-то! Он же до того здоров, что пришлось выкупить два места на лавке для него одного! А карета даже не скрипнула и кучер не поморщился. Хорошая, значит, крепкая. Надежная.

Я поглубже засунула руки в меховую муфту и притопывала: стоять на месте было холодно, а внутри еще насижусь до ломоты в спине.

Вообще-то я бы предпочла ехать самостоятельно, но отец решил, что дилижансом спокойнее и безопаснее. Он, наверное, прав: для моей охраны пришлось бы выделить не менее полудюжины охранников. Их придется кормить, им нужно оружие, да и внимания такая процессия привлечет немало. Поди докажи разбойникам, что я не беру с собой ни драгоценностей, ни денег, ни важных бумаг, а просто единственная дочь лорда Оберлинга.

Да и стоит заметить: Герхард – великолепный воин. С ним не страшно. И знает он меня с младенчества. Он как старший брат для меня. И самое главное, наши звериные ипостаси совершенно не привлекают друг друга. Мы никогда не станем кем-то большим, чем друзья. Оттого именно на него пал выбор отца. Герхард останется со мной в Славии.

Торговец, пыхтя, забрался в карету и, кажется, задремал. Я тяжело вздохнула и посмотрела на солнце, которое совершенно не грело. А в Славии в начале апреля уже трава зеленая и листья распускаются!

К нам подошел еще один попутчик: невысокий юноша необычной, яркой наружности. У него были раскосые очень черные глаза и желтоватая кожа. В глаза сразу бросалась роскошь одежды: бархатный темно-синий плащ был оторочен дорогим мехом, шапка тоже была меховая. Голенища сапог украшены вышивкой. Интересный молодой человек. И явно непростой.

Он снял плащ, кинул и его, и шапку на сиденье дилижанса и осмотрелся. Попинал колеса, заглянул под днище, открыл решетку печки с углями. Видимо, его всё устроило, потому что он закинул свою довольно-таки небольшую сумку в ящик под сиденьем и, наконец, повернулся ко мне.

– Аяз, – представился наш новый попутчик, и я сморщила нос.

Простолюдин! А жаль, пожалуй. Есть в нём что-то этакое... дикое что ли... Хищное! Не как в оборотнях; оборотни – они понятные, предсказуемые. А у этого глаза сверкают по-особенному.

– Виктория, – царственно кивнула я, несмотря на гримасы Герхарда.

Понятно, что мой телохранитель, а точнее нянька, вообще не одобряет новых знакомств, но простите! Он же хилый! Такой весь лощеный, элегантный, утонченный: и черные длинные волосы собраны в хвост, и рубашечка накрахмалена, и кружева-то на рукавах белоснежные. И не оборотень Аяз вот ни капли! Куда ему тягаться с медведем?

– Ваша красота затмевает солнце, – по-славски поведал мне необычный юноша. – Смотреть на вас так же больно.

– Не понимаю, – ответила я по-галлийски.

Хотя, безусловно, на славском я говорила прекрасно. Всё же мама родом из Славии. Просто мне показалось забавным не признаваться в этом. Вдруг да узнаю что-то интересное. Пусть Аяз думает, что я не понимаю его речи.

Вообще-то на славца он не похож. Степняк, наверное. Или смесок. Скорее последнее. Степняков я видела, когда у деда жила – они страшные. Кривоногие, лысые, грозные такие.

А этот, пожалуй, красивый, хоть и мелкий. И лицо мягкое. Нет ни агрессивности, ни этой степной стремительности.

– Прекрасная госпожа говорит по-франкски? – поинтересовался Аяз. – Я учился во Франкии в университете. Может быть, вы сможете дать мне ответ на языке великих поэтов и музыкантов?

– Прекрасная госпожа говорит по-франкски, – милостиво кивнула я. – А отчего вы не учились в Галлии? У нас тоже есть университет.

– В Галлии больше любят магов, чем архитекторов, – развел руками парнишка. – А магии во мне, увы, немного!

Точно, смесок! Сын какой-нибудь степнячки и славца.

Аяз прошел вперед, к лошадям, а Герхард больно ухватил меня за локоть.

– Что это вы задумали, леди? – сердито спросил он. – Зачем степняку наврали?

– Меньше знает, крепче спит, – отрезала я. – И ты помалкивай, что славский знаешь. Не доверяю я этому парню, слишком он чистенький. Заодно и в франкском попрактикуюсь, лишним не будет.

– Степнякам вообще верить нельзя, – согласился медведь. – Вот почему вы знаете, может он тоже по-галлийски балакает, просто обманывает?

– Может и так, – нахмурилась я. – Надо бы выяснить.

– Зачем?

– На всякий случай.

Наконец, подошли и остальные пассажиры: женщина лет тридцати, похожая с виду на жену, а точнее вдову торговца (вдовья косынка явно давала понять, что осиротела она недавно) и двое мужчин средних лет. Они мне совершенно не понравились, и я очень порадовалась, что у меня есть Герхард.

Разбойники, как есть разбойники! Оба смески, оборотни чуть больше, чем наполовину. Запах у них резкий, тревожный. Так пахнет человек, задумывающий пакость. Да и поношенная одежда явно с чужого плеча: не под стать им их наряды. На первый взгляд добропорядочные горожане, но резкие скупые движения, надменный поворот головы, руки в перчатках (для чего мирному гражданину перчатки? Уж не скрывает ли он мозоли от лука или меча, к примеру?) – всё выдавало в них бывших военных.

– Герхард, когда следующий дилиджанс? – вполголоса поинтересовалась я у своего спутника.

– Через неделю, – так же тихо ответил мой телохранитель. – Мне тоже они не нравятся. Но неделю ждать мы не можем. Твой дед будет встречать. Если мы не приедем, он всю Славию на уши поставит.

На миг меня охватило острое искушение наплевать на деда и наказания родителей и сказатьсь больной. Но я ж дала себе обещание быть хорошей девочкой! Поэтому мы молча залезли в карету и заняли свои места: Герхард, я и вдова – на одной лавке, а торговец, степняк и бандиты напротив нас.

Торговец принялся болтать, совершенно не понимая, что он не в лавке, а мы не покупатели. Я бы лучше посидела в тишине, постоянной болтовни мне и дома хватало: близнецов было не заткнуть, но и в этих разговорах был толк. Выяснилось, что бандиты понимают только галлийский, вдова и торговец немного говорят еще и на славском, а вот франкский знаем только мы с Аязом. И Аяз, похоже, действительно не знал галлийского. Я спросила его, как такое могло произойти. Он, пожав плечами, отвечал, что отец его не велел. А у восточных народов что отец скажет, то сын и исполняет. Я только головой покачала. Меня родители учили многим языкам. Кроме франкского, галлийского и славского, я еще могу понимать катайский (зачем только, если я из катайцев только учителя и видела в своей жизни), а так же скажу несколько фраз на алдейском.

Хотя я ж леди, мне положено. Вон Герхарда языкам вообще не учили, только военной науке. Он славский в нашем доме понимать начал, потому что матушка с младенчества со мной только на славском разговаривала.

Я с прикрытыми глазами слушала, как торговец, стреляя в меня масляными глазками, сказал Аязу:

– Девочка какая хорошенькая! Просто конфетка! А этот здоровяк рядом с ней – неужели муж?

– Охранник, – невозмутимо ответил молодой степняк.

– Так значит она свободная? – не унимался господин Гренк, или как его там.

Я покосилась на Герхарда. Он был совершенно спокоен и ничем не показывал, что понимает их слова. Отличная выучка!

– Смею полагать, что да, – согласился с соседом Аяз.

– Господа, ваш разговор неприличен! – вмешалась вдова. – Негоже обсуждать девушку, тем более если она не понимает языка!

– А я по-галлийски не разумею, – виновато улыбнулся степняк. – Если бы мог – сказал бы ей сам, что впервые вижу такую красоту.

И уставился на меня. Проверяет.

– У меня что-то с лицом, господин Аяз? – спросила я по-франкски, приглаживая волосы. – Или прическа растрепалась? Вы так смотрите, мне, право, неловко!

– Вы безупречны, Виктория, – от его взгляда я действительно вспыхиваю.

– Я сейчас сломаю ему ноги, – замечает Герхард, и карета будто взрывается.

Все наперебой успокаивают медведя, уверяя, что господин Аяз наверняка не имел в виду ничего неприличного (ах, девушка бы непременно сказала бы, не правда ли?), что смотреть на леди Викторию одно удовольствие, что ничуть не удивятся, если к концу поездки число воздыхателей прекрасной девы превзойдет все ожидания, и прочую ересь. Мне даже жалко степняка, он так растерянно хлопал глазами, очевидно не понимая, что же произошло. Смиловилась над ним, пояснив:

– Герхард обещал сломать вам ноги, если вы не прекратите смущать меня своими пылкими взглядами.

– Руки короткие, – неожиданно и смело ответил Аяз. – Вряд ли ему это удастся. А смотреть буду сколько пожелаю.

Я ахнула о возмущения и восторга, но тут же смутилась, встретившись с жадными глазами с одним из бандитов. Он пугал меня до икоты.

– Господин Аяз, что вы думаете про этих двух горожан? – спросила я.

– Да какие они горожане? – фыркнул юноша. – Я больше похож на славского государя, чем они на горожан. Разбойники они самые настоящие.

– Вот и меня они пугают, – призналась я. – Если вздумают напасть – дело может обернуться...

Тут я споткнулась, пытаюсь подобрать нужное слово. Жареным? Смертельно опасным?

– Я сумею защитить свою женщину, не переживай, – снисходительно улыбнулся степняк.

Я гневно воззрилась на него: кого это он назвал своей женщиной?

– А вы уже успели сговориться с почтенной вдовой? – ядовито спросила я. – Позвольте принести поздравления!

– Не стоит возмущаться, Викки, – самоуверенно усмехнулся Аяз. – Придется смириться. Ты всё равно будешь моей!

Каков наглец! Я засопела гневно. А в начале показался мне таким приличным молодым человеком! Всё, больше с ним не заговорю.

– Что фырчишь как лисица? – пихнул меня в бок Герхард. – Что он тебе сказал?

Десять глаз уставились на меня с любопытством. Всех интересовало, что сказал Аяз.

– Оставьте меня в покое, – буркнула я, накидывая на голову шаль и опуская ее пониже, так, чтобы на лицо падала тень.

Лучше бы я ждала следующего дилижанса!

7. Минем шабаки

На самом деле мне, конечно, льстило восхищение степняка. Тем более я его несколько не боялась: со мной был Герхард. Любой девушке приятно, когда на нее украдкой кидают горячие взгляды, когда подадут руку при выходе из кареты, когда будто невзначай задевают коленом. Не будь моё сердце занято Эстебаном, я бы, возможно, даже немного увлеклась степняком. Но сейчас он меня скорее забавлял. Какой же он мужчина – он слишком молод и даже не оборотень! Мне всегда нравились мужчины постарше. Отец вон маму почти на двадцать лет старше, а гармоничнее пары, чем мои родители, я не встречала. И вообще в горах принято, когда мужчина берет в жены девушку много младше себя. Во-первых, оборотень никогда не приведет женщину в родительский дом. Оборотни деликатны. Но в полнолуние у многих бывают проблемы с терпимостью: они становятся раздражительными и невозддержанными. Мы с Герхардом оттого и выехали сразу после полнолуния. Так вот, оборотень, прежде чем создать семью, дом строит или покупает. А это дело не быстрое. А во-вторых, сами девушки предпочитают мужчину, который способен прокормить семью – с ремеслом, с некоторыми накоплениями. Потому что в горах принято рожать друг за другом несколько детишек – а их нужно кормить, одевать и учить.

Словом, ровесники мне были не слишком интересны. За это меня, собственно говоря, и сослали к деду. Сейчас-то я понимаю, что сама во всем виновата. Вот что мне в замке Нефф не сиделось? Вспомнила! В горах из мужчин – только прислуга и пастухи. А я ведь девушка, красивая, смею надеяться, девушка, мне замуж хочется! Только не за сопляка Ваенга или, еще хуже, тощего сынулю лорда Стерлинга.

Мне Эстебан нравится.

Разумеется, я прекрасно понимала, что шансов у меня никаких. Ему ведь за сорок, он женат... И это не считая того, что он король! Только разве меня это остановит? Люблю я его, всем сердцем люблю, а это значит, что у степняка никаких шансов меня заинтересовать нет. Да и простолюдин он. Зачем мне лишние проблемы?

С другой стороны, я его хотя бы не боялась. А вот те двое «горожан» внушали мне отвращение и тревогу. От их запаха меня просто выворачивало. Нет, они не воняли немытым телом, у них не пахло изо рта, одежда была свежая. Герхард вообще не понимал, что мне не нравится. А я всегда была очень нюхастая. От запахов духов и притираний у меня темнело в глазах, от аромата трав я чихала, от мужского пота могло натурально стошнить. Даже чистое тело оборотня или смеска для меня имело свой аромат. Людей я чуяла гораздо слабее. Степняк для меня ничем не пах, от вдовы довольно приятно пахло мылом и мятными пастилками, из саквояжа торговца так несло металлом, что я не могла понять – неужели никто не чувствует? К запаху Герхарда я принялась давно. Он свой.

А эти двое... нет, они злые. Они мне отвратительны. А еще тот, который старше и с выбритым лицом, иногда так на меня смотрел, словно всякие непотребства мечтал делать. На одной из остановок я достала из сапога кинжал и спрятала в складках широкой юбки – мама специально вшила туда карман. Не думаю, что я смогу ударить оружием человека, но так хоть немного спокойнее.

Вообще-то оба кучера у нас здоровяки, а один из них еще и маг. Один дремал на крыше, другой правил парой лошадей.

Останавливались мы каждые четыре часа: размять ноги, сходить в кустики, перекусить, добавить угля в печку. У дорожных карет печка – металлический короб – снизу, через решетку в полу теплый воздух поднимается вверх. На самом деле я периодически добавляю огня, только этого пока никто не заметил. В карете тепло, пришлось даже шаль сбросить. Аяз и кафтан уже снял. Против воли любуюсь его тонкими, почти девичьими запястьями в пене кружев.

Эх, будь он лет на десять постарше, я бы с удовольствием с ним пофлиртовала. А сейчас – увольте. Хорошо хоть он больше не говорил глупостей. Просто смотрел. Не так, как безбородый. От взглядов Аяза меня в жар бросало и ладони потели.

Спасибо, мамочка, что ты отправила меня не в полнолуние! Любой здоровый оборотень от таких взглядов как лучина вспыхнет. Тем более я, огненный маг. Сейчас-то голова кружится. И ведь даже Герхард не замечает ничего. Как степняку удастся?

К трактиру, где нас ждет горячий ужин и мягкая постель, мы подъезжаем поздней ночью. Свободных комнат всего две. В одной постелили женщинам, в другой, совсем маленькой, на полу спят Герхард и господин Гренк. Степняк вызвался спать в карете – он невысокий, ему удобно. Один из кучеров вообще не спит – стережет сундуки. Второй на конюшне с «бандитами».

Под поношенными одеждами вдовы, оказывается, скрывается красивое тело и великолепные золотые волосы. У нее талия такая тонкая, что можно пальцами обхватить, а бедра и грудь, напротив, в меру полные. Я завидую: моя фигура гораздо скромнее. Зачем же она прячет такую красоту под одеждой не по размеру? Если бы ей надеть красивое платье, сделать прическу и почаще улыбаться, на нее мужчины бы заглядывались! Впрочем, это не моё дело. Мало ли что у нее в жизни стряслось! Наскоро обмывшись водой из таза, я накидываю чистую сорочку, переплетаю косу и засыпаю, кажется, раньше, чем моя голова касается подушки.

Чуть свет нас поднимают стуком в дверь. Ох! Приеду к деду, неделю отсыпаться буду! Бурча под нос, натягиваю вчерашнее платье, застегиваю тьму маленьких пуговиц на груди и животе. Заворачиваюсь в шаль, растирая руки – меня знобит от недосыпа. Вдова, у которой, оказывается, красивое имя Милисента, тоже выглядит помято. Мы спускаемся в общий зал, где нас ждет горячий чай и жидкая сладкая каша с сушеными ягодами. Герхард, видя, что меня сотрясает дрожь, пытается натянуть на меня свой кафтан, но он настолько огромный, что, кажется, я могу влезть в один его рукав. Аяз вежливо предлагает свой жилет. У нас такое не носят – кафтан без рукавов только недавно придумали во Франкии. Подобная одежда кажется мне куда удобнее любимых в горах безрукавок, которые надеваются через голову. Отчего мы не догадались сделать застёжки спереди? И всё же надеть одежду чужого мужчины совершенно недопустимо, но Герхард благосклонно кивает. В дороге правила приличия смягчаются, но не настолько же! Тем не менее я, не найдя возражений, просовываю руки в рукава и запахиваю жилет на груди. Он красивый – черный с золотым и алым шитьем. И хранит тепло тела Аяза, отчего мое сердце вдруг пускается вскачь. А еще запах степняка мне неожиданно приходится по душе. Он пахнет травами, горячим ветром и немного мужским потом. Осознав сей факт, я немедленно хочу снять чужую вещь, но боюсь оскорбить человека. Он же не имел в виду ничего такого! Встречаюсь взглядом с Аязом и догадываюсь: имел и еще как. Его глаза обжигают. Он очень доволен видеть меня в своей одежде. Удивительно, как быстро я научилась читать его лицо! Вот настроение Эстебана мне удавалось угадывать далеко не всегда. Я порой не понимала, счастлив он или зол, а если зол, то на кого: на меня, на себя, на прислугу? Впрочем, в его присутствии я думала совершенно о другом. Стоило ему меня коснуться – даже ненароком, даже краем рукава – и я заливалась краской, а в животе екало, будто я летела вниз на качелях. Пропадали все мысли, слабели колени, дышать было трудно! А уж когда он меня целовал, я забывала, что внутри меня огонь – напротив, я растекалась как вода. Даже воспоминания о его поцелуях кружат голову.

Наверное, у меня был совершенно глупый и мечтательный вид, когда я думала об Эстебане, потому что Герхард ткнул меня локтем в бок, а взгляд Аяза вдруг стал очень злым.

Едва удержалась от детской выходки: очень хотелось показать ему язык. Сразу и согрелась, и повеселела. С аппетитом выхлебала не самую вкусную кашу, завернула в салфетку ломоть хлеба с сыром: сейчас не стоит в себя пихать много еды, укачает еще! А вот на следующем привале пригодится.

День прошел спокойно, как в вязком тумане. Подозрительные мужчины вели себя подозрительно тихо, торговец травил байки, Аяз рассказывал о франкских обычаях и новинках, а я переводила. К вечеру мы все почти подружились. В этот раз трактир был богаче, каждому нашлось место. Нас с Милисентой поселили в комнате для особых гостей: здесь была даже своя, отдельная мыльня. Без водопровода, конечно, но воду принесли. А уж нагреть ее я запросто сумела сама. Смыв грязь и усталость, мы плотно поужинали. Милисента уснула сразу на своей половине огромной кровати, а я ворочалась с боку на бок. За день вдоволь надремалась на плече у Герхарда: то и дело проваливалась в сон, поэтому даже не удивилась, что ночью спать мне уже не хотелось. Накинула шаль поверх ночной сорочки, выглянула в коридор – хотела кликнуть служанку и попросить теплого молока – и замерла в дверях, наткнувшись на взгляд черных глаз.

Сердце заколотилось как сумасшедшее, дыхание перехватило. Аяз тоже был полуодет: рубаха расстегнута до самого пупа, штаны сползли на бедра, черные волосы свободно спадают на плечи. Отчего-то вид его смутил, заставил жарко вспыхнуть щеки. Что я, полуголых мужчин не видела? У отца в замке по летнему времени оборотни по двору и вовсе в портках бегают. Да и братья мои лет до шести могли голышом по дому носиться. Герхард при мне переодевался не раз, отца и дядю Кирьяна не раз обнаженными до пояса видала. Только все они (кроме братьев, конечно) шерстью заросшие как звери. У отца даже на спине седые волосы имеются. А у Аяза грудь голая, совсем без волос. Только от пупка начинается темная дорожка растительности, уходящая вниз, за пояс штанов.

В полутьме коридора он не выглядел юношей. Это мужчина, и мужчина, кажется, опаснее, чем отцовские воины. Под его тяжелым взглядом остро почувствовала, как неприлично облегает моё тело тонкий батист сорочки: темные соски просвечивают сквозь белизну ткани. Впрочем, плечи и грудь прикрыты шалью.

Мысленно надавав себе пощечин, шагнула назад, в спасительный покой спальни. Вслед долетело по-славски: «Доброй ночи, минем шабаки».

8. Неожиданные открытия

К утру я убедилась, что ничего страшного не произошло. Подумаешь, увидел меня мужчина полураздетой – так не обнаженной же! Да и вообще сорочка у меня куда более закрытая, чем туалеты некоторых придворных дам! Осталось четыре дня, и я навсегда расстанусь с Аязом. Наши пути пересекутся вряд ли, слишком разные у нас статусы. Я – леди Оберлинг, внучка кнесса Градского, а он всего лишь простолюдин. Ну пусть сын купца или зажиточного однодворца, судя по роскошной одежде. Но все равно мне не ровня. Мне его и на улице замечать не положено, если он, конечно, не в дедовой волости живёт. Спрашивать побоялась – ну как себя выдам этим вопросом? Мы ведь с Герхардом не говорили, куда едем: в Слaviю к родственникам в гости, и всё. А уж кто у нас родственники – дело десятое. Хотя я, понятное дело, подозревала, что коли у Аяза кто-то из родителей родом из Степи, можем и близко жить. Дедова волость – пограничная. А вообще кнесса Градского нынешний степной хан ненавидит, за что – мне так и не поведали, хоть я и выпрашивала. Дед сказал, что я мала о том знать, а матушка и вовсе руками разводила: дескать, поссорились они уже позже, когда она отцовский дом покинула. В общем, нет между Степью и той волостью, где я жить буду, мира и согласия, а значит, никаких степняков я не встречу, можно не бояться.

Третий день тянулся как кисель, да еще за окном серый дождь начался. В карете делалось невыносимо душно, а окна не открывали, иначе морось проникала внутрь. Хорошо хоть кучер зажег нам маг-светильник: можно было видеть друг друга. От скуки спросила Аяза, сколько ему лет. Почудилось мне, что ли, что он значительно старше, чем я сперва думала? Оказалось, всего девятнадцать. Все-таки юнец, мой ровесник.

– Вы, наверное, единственный сын у родителей? – поинтересовалась я.

– Я первенец, – покачал головой степняк. – У моего отца всего девять детей, шестеро от моей матери и трое от наложниц.

Я раскрыла рот от изумления: наложницы? Да в Славии полвека как забыли это оскорбительное для женщин слово! Понятное дело, что состоятельные мужчины по-прежнему заводят любовниц, но обществом это осуждается. Посмотрела в смеющиеся глаза Аяза и выдохнула: шутит, скорее всего. Вряд ли отец такого большого семейства нашел столько денег, чтобы отправить старшего сына учиться во Франкию. Неважно. Все мы хотим казаться кем-то другим, оттого и врём случайным попутчикам. Возможно, и торговец вовсе не торговец, а в звякающем саквояже прячет яды в склянках, а вдова, к примеру, наследная принцесса Франкии, везущая дипломатические письма. И Аяз вовсе не Аяз, а какой-нибудь Нагариман, сын степного хана. Тогда, пожалуй, можно с ним и подружиться. Я лукаво улыбнулась своим мыслям, поудобнее устраиваясь на твердом плече Герхарда.

– Вы очень близки со своим охранником, – как-то ровно, но очень оскорбительно сказал степняк.

– Герхард служит мне с рождения, – пояснила я, прикрыв глаза. – Он мне всё равно что брат. Его дед служил моему деду. Его отец служил моему отцу. Герхард – мой оруженосец, если так понятнее.

– У вас нет оружия, кроме, разумеется, кинжала, что вы прячете в юбках – заметил Аяз.

– Я выразилась фигурально. Метафорически. Иносказательно. Вы разумеете, что значат эти слова?

– Я в университете учился, – несколько обиженно ответил юноша. – Я вас понимаю. А его не понимаю.

– Почему? – приподняла брови я.

– Как можно быть таким... равнодушным?

– Он – оборотень-медведь. Я – волк. Наши виды никак не сочетаются. В природе волки и медведи никогда не составят пару. Вот и мы друг в друге мужчину и женщину не видим.

Глаза степняка округлились. Вот чудной, не знает элементарных вещей!

– Вы – оборотень? – потрясенно уставился он на меня.

– Я из Галлии. Это страна оборотней вообще-то. Ничего удивительного.

Аяз нахмурился и замолчал. Ушел в себя. Ну вот, напугала парня.

Да, оборотень. Да, могу бегать зверем. Что такого-то? В паре, где мужчина-оборотень, всегда рождаются дети его вида. Я волчица, братья мои – волчата. Мать – оборотень всего лишь на четверть, в ней кровь рыси.

Была б полноценной рысью – с отцом бы ничего у нее не вышло.

В Галлии рысей и волков полно. Медведей вот меньше. А других зверей и вовсе нет. Не оборачиваются люди ни в белок, ни в зайцев, ни в каких-нибудь драконов. Сказки всё это. Закон сохранения массы гласит, что зверь и человек должны весить одинаково. Иначе не бывает. Поэтому, признаться, волчица из меня весьма изящная, если не сказать – хилая. Впрочем, размер не показатель силы. Мой любимый дядюшка Кирьян тощ до безобразия, потому что вечно в разездах и много на себе тащит. Он редко сидит на месте. Его рысь забавная на вид, похожая на него самого: худющая, с длинными лапами и порой плешивая. Не рысь, а заморский зверь ягуар, которого я на картинках в детских книжках видела. Один-в-один, только у ягуара хвост еще имеется длинный. Так вот, с его рысью даже медведь не всегда может управиться. Юркий он и стремительный, будто ветер. Я с медведями не сражалась, я вообще ни разу в зверином облике не дралась, но смею надеяться – постоять за себя смогла бы. Вообще для меня вторая ипостась – больше баловство и легкий способ убежать от проблем и дурного настроения в полнолуние. Я ж папина принцесса, всю жизнь прожила под защитой. И теперь еду с Герхардом, а далее меня дед защищать будет. Не о чем мне волноваться, если подумать. Вот только принцессой меня теперь называть не стоило. Слишком горько.

Дождь сопровождал нас весь день до самого постоянного двора, то утихая, то припуская с новыми силами. Порою он был больше похож на снег, чем на дождь. Пару раз по крыше дилижанса стучал град. Премерзкая погода не благоприятствовала частым остановкам. В кусты мы бегали очень быстро, очень. Оттого и приехали на ночевку раньше, чем обычно. Это радовало: наши с Милисентой платья забрали в чистку и сушку, а ужин принесли прямо в комнаты. Завернувшись в одеяло, мы предавались безделью. Вдова была неразговорчива. Зато не было сомнений, что у нее хорошее воспитание: весь вечер она просидела с книгой, да не с каким-то дамским романом, а с собранием сочинений Манкутто – философа и теолога прошлого века. Я такую муть, в смысле столь серьезную литературу терпеть не могла, никакой другой книги у вдовы не оказалось, и, немного полежав на полу (чтобы размять ноющую от долгой поездки спину), я отправилась спать.

Больше никогда я не соглашусь на такие путешествия! Лучше бы я ехала одна своим ходом! То ли от переживаний, то ли от дурной погоды и дождя я заболела. Наутро проснулась со страшной головной болью, опухшими глазами и заложенным носом. И, конечно, на постоянном дворе не оказалось целителя! И в ближайшей деревне его тоже не имелось. Я сидела за столом, вцепившись в чашку с горячим чаем и вздыхала.

– Это в город надо посылать, – почесал голову хозяин трактира. – Или миледи здесь останется. Через три дня всё пройдет.

– Как же так! – ахала Милисента. – Ведь это и деньги потерянные, и неделя времени, и близкие волноваться будут! Да и в следующем дилижансе может не оказаться места!

– Совершенно точно не окажется! – деловито подтвердил кучер. – Обычно заполненные едут.

– Надо было брата моего посылать, – вздыхал Герхард, разглядывая моё осунувшееся лицо. – Он целитель. От него хоть толк был бы, а что я? Может, вытерпишь? Сядешь в уголочке, укутаешься в одеяло, подремлешь?

– И помру к следующей станции, – жалостливо шмыгнула носом я. – По-твоему, зря лекари постельный режим выписывают?

– Два-то дня выдержишь как-нибудь, – легкомысленно махнул рукой мой охранник. – А там уж и встретят нас. Ты ведь девочка крепкая.

Я его ненавидела в этот момент. Как же он не понимает – плохо мне, плохо! Никто меня не любит, не жалеет. Даже степняк молча стоит в сторонке, а делал вид, что я ему нравлюсь! Все мужчины – лицемеры!

– Может, послать в город за целителем? – неуверенно предложила вдова. – День потеряем, это не так уж и страшно. Не бросать же девочку здесь!

– Расписание, лошади, – напомнил кучер. – У нашей службы всё рассчитано.

Я уныло смотрела на столпившихся вокруг меня людей. Перед глазами плыло, дышала я ртом и вдобавок начала потеть. Прямо чувствовала, как по спине текут противные капельки пота. Не поеду никуда! Останусь тут и буду страдать!

– Позвольте, я попробую, – неожиданно для всех подал голос степняк. – Я немного смыслю в целительстве!

Герхард позволил. Он отошел в сторонку, разрешая степняку опуститься передо мной на корточки и взять мои ледяные руки в горячие ладони. Под его пристальным взглядом глаза закрывались сами собой. Я почувствовала, как обжигающие и жесткие пальцы Аяза вертят и мнут мою больную голову. Он что-бормотал на незнакомом мне языке. От его прикосновений хотелось мурлыкать, это было невероятно сладко. Пальцы словно вытягивали боль. Когда он отошел, встряхивая кистями, в голове было легко и весело, и даже нос задышал.

– Вы целитель? – изумленно спросила я по-славски, совершенно забыв, что не должна знать этот язык.

– Не совсем, – смущенно улыбнулся Аяз. – Я лошатник.

– Как это?

– Разговариваю с лошадьми, лечу их.

– Я что, лошадь, по-вашему? – возмутилась я.

– Но ведь сработало же! – по-мальчишечьи ухмыльнулся юноша. – Вам ведь легче?

– Намного, – кротко согласилась я. – Спасибо вам.

Я действительно чувствовала себя намного лучше. Головная боль почти ушла, нос дышал, слабости не было. Можно было ехать дальше. Все попутчики очень обрадовались. Даже «разбойники» изобразили на лице что-то похожее на улыбку и поздравили меня с выздоровлением.

– Я так и думал, что вы знаете славский, – с усмешкой прошептал мне Аяз. – Нельзя ехать в Славию к родне, не зная языка.

Я досадливо поморщилась. Опростоволосилась, слов нет.

– А кто у вас родственники? – будто невзначай спросил степняк.

– Государь, разумеется, – хитро улыбнулась я. – Он мой двоюродный дед.

И это была чистая правда, потому как мать моей матери была дочерью государя! Не нынешнего, а прошлого, конечно.

Да, происхождение у меня самое высокое. И Оберлинги, и Браенги, и Государь Славский, и Эстебан Галлинг – все числились моей родней. Эстебан, конечно, не близкий родственник (хвала богине), но, поскольку дядюшка Кир женат на его сестре – на покровительстве его величества я могу рассчитывать при любых обстоятельствах.

Не знаю, чего ожидал Аяз и поверил ли мне, но лицо у него сделалось странное, задумчивое. Молча мы заняли свои места в дилижансе. Молча тронулись с места. Начинался четвертый день нашего путешествия. Завтра к вечеру будем уже в столице Славии, Аранске.

9. Нападение

К полудню разъяснилось; стало понятно, что мы всё же в Славии. Солнце весело светило с неба, вокруг был уже зеленеющий лес, смотреть в окно – одно удовольствие. Вдова достала свою книгу, но толку никакого не было. Дорога была ухабиستا, нас немилосердно трясло. Не то, что читать – разговаривать было невозможно, того и гляди, язык откусишь. Когда раздался страшный свист, я даже не удивилась – подспудно это ожидалось с самого начала поездки.

Нас будут грабить.

Дилижансы вообще-то грабили очень редко: мало дураков было возить ценности таким транспортом. Да и знатные люди предпочитали передвигаться в своих каретах с сопровождением стражей. Но тут уж звезды сошлись: торговец этот с его саквояжем, с которого он глаз не спускал, богато одетый Аяз и леди Оберлинг, то есть я.

Что ж, у меня ничего ценного нет. Платья и туфли вряд ли заберут, да и не жалко их. А если немного грабителей, то, авось, и отобьемся. Размяла кисти рук: я ведь огненный маг. Сейчас как покажу всю свою силу! Но мой благородный (или глупый порыв) был грубо оборван ножом, прижатым к шее.

– Даже и не думай магичить, – холодно сказала мне Милисента. – Давай, на выход.

Вот тебе и скромная вдова!

Пришлось подчиниться. Вначале я даже не испугалась. Однако ситуация оказалась куда серьезнее, чем я думала. Снаружи было не меньше дюжины разбойников. Наши бандиты, разумеется, с ними заодно. Один держал за плечи торговца, другой легко сжимал шею Аяза. Оба кучера были под прицелами арбалетов и франкских аркебуз. Дурацкое, неметкое оружие, сильно уступающее арбалету: последний и заряжать быстрее, и точность у него выше, и легче он, изящнее. Но вблизи из аркебузы промахнуться сложно, а убойная сила у нее огого! На месте кучеров я бы тоже стояла ровно и старалась не моргать. На Герхарда наставили стволы оружия, но он вылез из дилижанса самостоятельно и даже не пытался сопротивляться. За меня боится.

– Мальчики, проверьте сумку господина Гренка, – резким голосом приказала вдова, наконец, убирая мой же кинжал от моей шеи.

Да, проверьте. Мне тоже ужасно любопытно, что там внутри.

Кинжал упирается мне в правый бок – неприятно, но терпимо. Только Герхард отчего-то бледнеет на глазах. И когда только она меня обокрасть успела! В саквояже торговца оказывается не золото. То есть золото, конечно, но не в монетах, а в ювелирных изделиях тончайшей работы и неопишуемой красоты. Да тут целое состояние! На торговца страшно смотреть, по его бледным щекам струятся слёзы. А нечего было жадничать – надо было охрану нанимать! Скупой платит дважды.

– Отличный улов! – радуется вдова, которая вовсе не вдова.

Она стаскивает с головы белую косынку и встряхивает длинными волнистыми волосами. Взгляды мужчин устремляются на эту красоту, и, воспользовавшись моментом, я делаю попытку вывернуться из ее хватки и вызвать огонь. Не факт, что получится – руки трясутся, не могу сосредоточиться. Впрочем, ускользнуть мне не удастся – вдовушка успевает схватить меня за косы и сильно дернуть назад: едва мне шею не сломала, бесовка! Силы в ее тонких руках немеряно – она швыряет меня на холодную землю и изо всех сил пинает острым носком сапога в бок. Это ужасно больно, но я, сдерживая взвизг, глотаю слезы, боясь за Герхарда. Если он сейчас сорвется, его точно убьют.

– Ты хотел девку, Хорт? – раздаётся надо мной звонкий голос Милисенты. – Она твоя. Только осторожнее, не поломай игрушку слишком быстро – нам еще выкуп за нее получить.

Девка не простая – она дочь Оберлингов и вдобавок любовница короля. Так что, Хорт, возрадуйся – тебе перепал кусочек со стола самого Эстебана Галлийского!

В отчаянии я думаю, что зря хранила свою девичью честь. Лучше бы я переспала с Эстебаном! Хоть какую-то радость бы познала! Что теперь будет? Выживу ли я? А если выживу, то что дальше? Кому я опозоренная, оскверненная нужна буду? Одна дорога – в монастырь!

Безбородый рывком ставит меня на ноги: как раз к началу представления. Потому что в следующий миг всё переворачивается: Герхард с ревом бросается вперед, раздаются несколько выстрелов, поляну, где мы остановились, затягивает дымом.

– Господа, советую вам бросить оружие, – раздаётся откуда-то сверху холодный голос Аяза. – Тогда у вас есть шансы остаться в живых.

Я задираю голову: степняк каким-то невероятным образом оказался на крыше дилижанса, и в руке у него длинный кнут, свернутый кольцом. И он собирается с кнутом выступить против арбалетов? Безумец!

Между тем Герхарду удалось избавиться сразу от двоих разбойников – вот это выучка! Я всегда знала, что он отличный боец! У одного из бандитов, похоже, сломана шея. Второй лежит молча и старается не шевелиться, но дышит. Впрочем, на боку у медведя расплывается слое пятно: он ранен и, кажется, серьезно.

Раздаётся свист кнута и женский визг: вдовушка с ужасом в глазах хватается за перебитую руку, из которой выпал не нужный ей больше кинжал. Дальнейшее я помню смутно, потому что безбородый выпускает меня из рук, и я, недолго думая, ныряю под карету, чтобы не мешать мужчинам. Меня трясёт так, что зубы клацают друг о друга. Какая мне магия! Баба я, глупая трусливая баба! Под дилижансом я не одна: туда уже забрался торговец. У него в руках оброненный кем-то арбалет с единственным болтом. Он тщательно прицеливается и попадает в чьё-то колено. Еще один разбойник валится на землю. Я изо всех сил зажмуриваю глаза – до огненных мушек, пляшущих под веками – и начинаю жарко молиться пресветлой матери.

Прихожу в себя, только когда сильные руки выдерживают меня из-под кареты.

– Живая, – шепчет чей-то сдавленный голос. – Ранена?

Мужчина ощупывает моё тело, прижимая меня к себе, его руки зажигают в груди потухший огонь. Широко распахиваю глаза и вижу очень близко обеспокоенное лицо Аяза. Если бы не он! Уверена, один Герхард бы не справился со всеми! Благодарю тебя, пресветлая!

Степняк пугает меня. Его глаза горят безумием. Я шарахаюсь от него, но не так-то просто вырваться из железных объятий. Кажется, получилось только хуже: Аяз склонился ко мне еще ближе. Он одного роста со мной – наши носы едва не касаются друг друга. Со сдавленным стоном он прижимается ртом к моим губам, жадно раздвигая их языком. Я от возмущения и неожиданности цепенею, даже не сопротивляясь, позволяя ему брать всё, что он хочет: и тянуть меня за косы, заставляя еще больше запрокидывать голову, и по-хозяйски оглаживать спину и бока, и раздвигать коленом ноги. Никто и никогда не целовал меня так глубоко, так жарко. Поцелуи Эстебана по сравнению с этими полуукусами, с языком, овладевающим моим ртом – детский лепет!

Где-то в глубине души приходит осознание, что король и вправду был очень деликатен со мной, не позволяя ничего лишнего. В какой-то момент я сдаюсь, не в силах сопротивляться оглушающей страсти и охватившему меня огню, и отвечаю на поцелуй с не меньшим энтузиазмом. Он – победитель, захватчик, завоеватель. Это его право: взять то, что нравится. Вырвавшийся из груди стон он ловит своими губами, сделавшимися вдруг невероятно нежными – и отпускает меня. Я моргаю ошарашено, трогая опухшие губы, а затем со всей силы бью его ладонью по лицу. На бледной щеке ярко отпечатывается алая пятерня. С ужасом отшатываюсь и жмурюсь – что я наделала? Сейчас он ударит меня в ответ, а сил в его руках очень много – я уже узнала это. Но Аяз только берет мою руку и нежно целует ладонь. Стыд обрушивается на меня: лучше б ударил!

Отпускает меня и совершенно спокойно (словно на его лице не краснеет след от оплеухи) раздает указания на славском:

– Мертвяков оттащите в сторону. Мужиков вяжите покрепче. Женщину возьмете с собой, лично сдадите полиции. У нее обе руки сломаны. Не думаю, что она доставит проблемы. Я останусь с этими... подожду подмогу. Да пришлите мне коня. Если получится – к утру догоню вас. Не выйдет – оставьте мой багаж на постоялом дворе.

Я молча наблюдаю, как Аяз закрепляет повязку на животе Герхарда, как успокаивает лошадей, как переворачивает тела разбойников, как проверяет веревки у связанных бандитов. Затем он поднимает с земли хлыст и легким, едва уловимым движением запястья посылает его вперед, переламывая сухое деревце. Несколькими ударами кнута деревце крошится в щепу. Конюх (который маг) зажигает огонь. На лицах разбойников ужас.

Герхард берет меня за плечо и заталкивает в карету. Где-то щебечут птицы, радостно светит солнце. Меня только что целовал самый страшный человек в мире. О богиня!

Я, кажется, застонала, уронив лицо в ладони, но Герхард довольно грубо оборвал моё саможаление.

– Подумаешь, поцеловали её, – буркнул он. – Как будто в первый раз. Не сдержался мужик, да и кто бы на его месте сдержался? Степняк один всех раскидал, надо было ему пар спустить, а тут ты – цветочек свежий. Он же на тебя всю дорогу пялился, ты ему приглянулась, вот и взял своё. И то ничего лишнего не совершил, да и ты ему ответила.

Я отвернулась к окну и зажмурилась, пытаясь сдержать брызнувшие из глаз слёзы. За что он со мной так? Разве я гулящая женщина? Я ведь даже с королем себе не позволила, только невинные поцелуи! Впрочем, внутренний голосок мне напомнил, как я вспыхнула от грязного, грубого поцелуя степняка: если бы меня подобным образом поцеловал Эстебан, я б и не подумала жаловаться. И ни за что бы его не остановила – я доверяла ему полностью. Так что это не я блюла свою честь, а он меня щадил.

– Что, девочка, не по душе тебе взрослые игры? – раздался насмешливый голос вдовы. – И правильно, не суйся. Такому мужчине нужна настоящая женщина, а не выпускница пансиона при монастыре!

В ее голосе мечтательное восхищение, как будто не Аяз переломал ей руки!

– Зубы лишние? – скучаяще спрашивает у Милисенты кучер. – Ты поговори еще, поговори, я поправлю тебе улыбку.

Вдова молчит, а на губах у нее снисходительная усмешка. Она смеется надо мной, и подлом. Зря я играла с огнем!

Я невидящим взглядом утыкаюсь в окно. Мне горько и стыдно, я чувствую себя оскверненной. Но самое страшное – я бы хотела пережить этот поцелуй снова. И снится в полнолуние мне будет теперь не Эстебан. Только бы никогда не видеть степняка снова! Я не переживу, если кто-то узнает о моем позоре! Вот что странно: мне нисколько не было стыдно, когда родители узнали о моей связи с его величеством. Страшно – да, неловко – разумеется; но я чувствовала: черту мы не пересекли, вели себя достойно. А сейчас я готова заплатить своим попутчикам, чтобы они молчали о том, что произошло на поляне.

10. В Славии

На этот раз дилижанс свернул с привычной дороги: впервые за последние несколько лет. Ставший вдруг невозможно разговорчивым кучер (до этого я вообще думала, что он немой) поведал, что раньше на его карету никогда не нападали. Он всегда считал, что напарник, да еще и маг, нужен для того, чтобы сторожить багаж по ночам да от диких зверей охранять, а опасности в его работе и вовсе никакой нет.

– Дорога-то ведь людная, – рассуждал кучер. – В час пополудни обязательно меняем лошадей на придорожной станции, где можно выпить свежей воды и умыться. Да и Славия – страна спокойная, здесь кругом маги, которые отвечают за безопасность дорог. Разбойников

не вешают – отправляют в каменоломни. Поверьте, это пострашнее виселицы. А бабам вообще страшно – узников не разделяют на мужчин и женщин. В одну камеру всех. Так что бабы-то и до суда не доживают.

Все смотрят на вдову, у которой начинает трястись подбородок. Жалко ли ее? Нет, я думаю, она не пропадет. Такая красавица обязательно найдет, как выкрутиться. Кого-нибудь да соблазнит.

Дилижанс сворачивает с дороги к ближайшему большому городу Даньску. Вскоре копыта лошадей цокают по каменной мостовой. Первый же прохожий сообщает, как найти полицейский участок. В Славии нет Ловчих. Здесь полиция.

Пока опрашивают кучеров и записывают их показания, я выхожу на улицу и устраиваю Герхарду форменную истерику со слезами и заламыванием рук: я ни за что не хочу встречаться больше с Аязом. Медведь, видя, что вокруг уже собираются зеваки, неохотно мне уступает – не потому, что жалеет, а чтобы больше его не позорила. Кучер сбрасывает вниз два моих сундука и саквояж, и мы заселяемся в лучшую гостиницу Даньска с гордым названием «Золотой петух». Что будет дальше с дилижансом и как ювелир поедет один, меня совершенно не интересует.

Дед должен встречать меня в Аранске. Я быстро пишу записку, что из-за ранения своего охранника вынуждена задержаться в Даньске и вручаю ее кучеру. Заодно выдаю мужчине целый империял с твердым наказом Аязу про меня не рассказывать. Возможно, его бы это не остановило, но медведь в сторонке объяснил обоим кучерам и торговцу, что он с ними сделает, если узнает, что они проболтались... Думаю, будут молчать.

Ничего, два дня как-нибудь переживу. Тем более, что гостиница действительно роскошная: здесь и целитель свой имеется, и водопровод, и кухня выше всяких похвал. А еще банк недалеко, и я смогу получить деньги по векселю и потратить целый день, гуляя по славским лавкам. Но сначала нужно написать письмо матери. До нее обязательно дойдет весть о нападении на дилижанс, будет волноваться. Моё письмо ее успокоит.

Если бы мама была огненным магом, я бы просто послала ей птичку, но увы – наши стихии не совпадали. Зато у Эстебана дар был такой же, как у меня.

Я присела рядом с горящим камином, протянула руку к огню и позвала искру. На мою ладонь скользнул маленький язычок пламени. Пара движений пальцами – и огонь принимает форму небольшой птички навроде воробья.

– Ваше величество... Эстебан... Злишься на меня? Я в Славии. Всё хорошо.

Кинула посланника обратно в камин, села рядом, обхватив колени. Теперь его величество получит послание, как только приблизится к источнику огня – к камину ли, к свече... Несмотря на широкую применимость маг-светильников, огневики обожают свечи. Король вечером, как стемнеет, зажигает несколько штук и работает с бумагами при их свете. К тому же горящий огонь – это безопасность. Чтобы зажечь пламя из пустоты, требуется время и концентрация. Чтобы подхватить уже имеющееся – много сил не требуется. Огненный маг всегда готов к нападению, если рядом горит хотя бы одна крошечная свеча. Ах, отчего я не догадалась взять огонь из печки кареты?

Я завороженно смотрела на танец пламени, не сразу заметив, что в огне уже скачет птица размером с дрозда. Не веря своим глазам, я ткнула в нее пальцем и услышала любимый голос:

– Радость моя, за что мне на тебя сердиться? Я рад, что ты добралась благополучно. Береги себя и молись за своего короля.

Невольно вздохнула: не то я бы хотела услышать. Что ж – он ответил, и быстро. Значит, ожидал.

В дверь постучались: горничная принесла выглаженное платье и помогла мне переодеться. Восхищаясь моими волосами, девушка распустила надоевшие мне косы, так мешавшие в пути – я постоянно на них садилась – и уложила в сложную прическу.

– Если позволите, госпожа, я бы помогла завтра вам вымыть голову. Такая роскошь! И длина почти до полу, и красивые такие, блестящие!

Да-да, и тяжелые еще, так что часто к вечеру голова болит. И цепляются за всё, что можно. И хватают меня за косы кому не лень, да еще, видимо, завтра весь день с ними провожусь. Вот тебе, Виктория, и магазины. Вот тебе и новые наряды.

Что делать, сегодня пойду.

Герхард был на меня даже обижен: не любил он, когда люди на него глазели да смеялись, но после некоторых уговоров признал, что так лучше вышло. И рану его целитель залечил, и гостиница хорошая. А иначе бы трясся в дилижансе и стонал от боли до самого вечера. Огнестрельное ранение – это вам не шутки. Я благоразумно промолчала, что услуги целителя понадобились и мне: проклятая вдова одарила меня огромным кровоподтеком под ребрами. Не стоит ему об этом знать. И без того его мужская гордость задета тем, что какой-то мальчишка играючи раскидал десяток человек, пока он стоял столбом.

– Не поверишь, Ви, я глазом не успел моргнуть, а степняк уже своим кнутом «шелк-шелк», и тетка по земле катается и воет от боли, а двое замертво лежат. А ты молодец, сообразила под карету запрыгнуть. Правильно сделала, правильно.

Я кивала головой, кисло улыбаясь: слышать даже имя Аяза мне совершенно не хотелось.

Зато Герхард перестал злиться на мою выходку и наивно согласился пойти в банк, а потом за покупками, не понимая, чем это ему грозит. Не просто пошел – побегал вприпрыжку, как молодой козлик. Соскучился по движению, да город поглядеть интересно. Выдержал он даже дольше, чем я ожидала, сломавшись аж на седьмой лавке. Да и то скорее оттого, что она была чисто дамской: с чулками да панталонами. Еще дура-модистка начала ему строить глазки, здраво рассудив, что коли мужчина в лавку заглянул, надо хватать его тепленьким. Не знает, что медведь женщин побаивается. С ним так нельзя, надо издалека начинать: улыбнуться робко, глазки опустить. Через неделю гляделок можно попробовать заговорить, но осторожно и недолго: про погоду там или про происшествие какое. А эта сразу нахваливать его начала, вот он и сбежал.

На этом наши покупки окончились, да и ладно: у меня уже ноги едва ходили. Всю обратную дорогу Герхард ворчал как... медведь. Хорошо, что по-галлийски; на славском он ругательств не знает, матушка такому не учила. Вот если бы он с леди Милославой всю жизнь прожил, то всякие слова бы понимал. Иногда мама бывала ой как несдержанна, особенно если отец перебирал с выпивкой. Такое случалось не часто, лорд Оберлинг всё же очень воспитанный человек. Но бывало, батюшка надирался с редкими гостями (особенно с дядей Киром), а уж как близнецы родились, даже мне порой хотелось выпить чего-то крепкого. Не бренди и не виски, конечно. Я и то, и другое пробовала – чуть не померла с одного глотка. Если бы матушка узнала о моих опытах – наверное, славских ругательств в моей памяти стало бы больше. А может, и не стало бы. Все же она любит меня и зазря не бранит.

Но Герхард ни о чем таком не знал, да и никто посторонний не знал, и оттого люди вокруг, хоть и смотрели с любопытством (особенно женщины), но в драку никто не полез. Видимо, галлийский не разумеют.

А дамы на моего спутника ой как как заглядывались, да и не удивительно! Здоровый он, раза в три меня больше, и в тоже время далеко не урод. Бородат, конечно, и волосы не стрижет – в хвост связывает. Виски, как у всех военных, выбриты. А глаза у него карие с золотыми крапинами и зубы белые и ровные. Как сберег в драках – не ведаю. К тому же, как он ни сопротивлялся, я ему новый кафтан купила и пару рубашек расшитых, как здесь носили – его-то одежда рваная и окровавленная. Горничные, разумеется, почистили и зашили, вроде и незаметно почти, но я б ни за что не надела подобные вещи.

Конечно, в Славии не различают оборотней и оттого, наверное, думают, что мы с Герхардом пара. Он ничем не похож сейчас на охранника, да и я не леди. Я купила себе простое верх-

нее платье из коричневого хлопка, надела его на белую батистовую сорочку, а волосы скрыла под цветастой шалью. Была леди Оберлинг, а стала... кто стал? Провинциальная девица, никак?

Кого я обманываю? Провинциальные девицы не снимают лучший номер в самой дорогой гостинице города. У провинциальных девиц нет банковских векселей. И кос у них таких нет, на которые две служанки извели целый день. Впрочем, им, кажется, в радость расплетать мои волосы, полоскать их в огромной фарфоровой ванной, поливать из кувшина, втирать благовонные масла, промывать сначала простоквашей, затем травяными отварами. После они сушили волосы мягкими полотнами и долго расчесывали деревянными гребнями. Волосы сделались мягкими, сияющими, в них появились огненные всполохи. Вот только простоволосой ходить нельзя, и девушки заплели мне косу вокруг головы. В Славии две косы, как я люблю, мне носить не след: так сосватанные невесты ходят. А коли у девицы одна коса – она свободная.

Я нынче свободная лордова дочка, кнесинка по-местному наречию. Кнес – это тот же лорд, землевладелец. Его жена, стало быть, кнесса, а дети – кнесинки и кнесичи. Есть кнесы простые, а есть сиятельные, то государевы ближние родственники.

Мой дед – кнес обычный, да и волость его небольшая и далеко от столицы. Тем не менее, он приближен к государеву двору за свою мудрость и верность.

Считается он человеком зажиточным, если не сказать богатым. Хотя с Оберлингами ему не сравниться, отцовский род обладает рудниками да серебряными шахтами.

Но самое главное то, что дед мой – едва ли не самый сильный водный маг Славии. Матушка всегда говорила, что ей до отца далеко. А уж она одна из сильнейших известных мне магов. Каков тогда дед – мне представить страшно. Говорят, он когда-то пожар в Степи три дня без роздыху один удерживал. Вот это силища!

Жду- не дождусь, когда его снова увижу. Наверное, сейчас он покажется мне другим, не таким, как десять лет назад.

11. Дед

Дед раньше казался мне глубоким стариком, но теперь я знаю, что он не намного, всего на каких-то пять лет старше моего отца. Как странно – отец ведь не старик. Напротив, он видный мужчина: высокий, стройный, с широкими плечами и военной выправкой, с гривой седых волос. Ему и шестидесяти нет!

А кнес – мужчина грузный и бородатый, со светлыми волосами, стриженными «под горшок». То ли русые они у него, то ли пегие – и не поймешь, что почти седой.

Я его с первого взгляда и не признала. Зашел во двор какой-то мужчина в простом зеленом кафтане поверх расшитой рубахи, даже не подпоясанный. Портки полосатые в высокие сапоги заправлены, шапка с меховой оторочкой набекрень, борода лопатой – поди угадай, что кнес, а не купец какой-то или вовсе сапожник.

Вот когда побледнел и за могучую грудь в районе сердца схватился, да окликнул меня: «Милослава, дочка!» – тут я и поняла, что дед приехал.

Он, впрочем, свою ошибку быстро понял: не сказать, что я как две капли воды на мать похожа. Нос разве что одинаковый, брови да косы. Глаза у меня папины, щеки тоже с ямочками – от Оберлингов. А что худая – так и мама как тростинка, и отец не толстый.

– Волосы-то как у матери, – растерянно и грустно сказал дед и вдруг отвернул лицо. – Помню, нашел я косы ее...

Тут мне его жалко стало, сил нет: подошла, к груди прижалась.

А он меня стиснул в объятьях да троекратно расцеловал.

– Бедовая ты девка, Виктория! – заявил он весело. – Только явилась, а уж сразу в историю попала. Хорошо, что невредима осталась. Я как письмишко твоё получил да про ограбление узнал, так чуть не помер. Верить-нет, сам на коня вскочил и помчался в Даньск. Вон Яра даже обогнал! Эх, староват я стал такие скачки устраивать: спину ломит теперь.

– Вы, дедушка, кокетничаете, – пожал плечами я. – Ничего вы и не старый. Сил полны.

Дед цепко ухватил пальцами мой подбородок, повертел лицо.

– Разговорчивая ты уродилась, да? Дерзкая? Мать-то тихоней была. Хорошо, что ты смелая. Нравишься ты мне.

Я потрогала подбородок. А мне что-то дед не больно по душе. Скользкий какой-то. А ведь мама предупреждала, а я не верила.

– Отец, ты бы шубу надел, – раздался от ворот густой мужской голос. – Опять спину застудишь!

Я выглянула из-за дедова бока: никак дядько мой объявился? Помню, лупцевала я его знатно, а он ничего, не жаловался. Терпел все мои выходки. Ай хорош детинушка! Высоким не вырос, не в кого – дедова жена Линда маленькая, как птичка – но сложен отменно. Кудри огнем горят, а кожа чистая, смуглая. Несправедливо, конечно: у меня весь нос конопатый, а у этого рыжего – ни одной веснушки!

Дядько Ярослав был меня всего на год старше – родился он уже после того, как мать в Галлию уехала. Оттого и заставляли его со мной возиться, когда я здесь гостила. Его, да сестрицу мою двоюродную Людмилу, дочь лесного оборотня Волчека. Всё лето мы втроем и бедокурили. Яр обычно вину на себя брал: и поле сожженое, и гусей испуганных, и битву на яйцах. Но вот свиней в телегу он придумал запрягать, я побоялась.

Сейчас стоял он с дедовой бобровой шубой в обнимку и рассматривал меня с самым серьезным видом.

– Что я вижу! – наконец, широко улыбнулся он. – И эта красавица – моя племянница? Та, что меня в речке едва не утопила? Та, что мне глаз яблоком подбила? Поверить не могу! А косы-то какие отрасли, гляди – оттаскаю!

– Догони сначала! – привычно огрызнулась я. – Рыжий-бесстыжий!

Мы переглянулись и расхохотались – словно и не было тех долгих лет разлуки. Яр сбросил шубу отцу, а сам шагнул ко мне и крепко обнял.

– Целоваться не будем, – предупредил он. – А то ты мне нос откусишь, волчица!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.